

Казьмин.
Активность в
современной
школе.

W 212

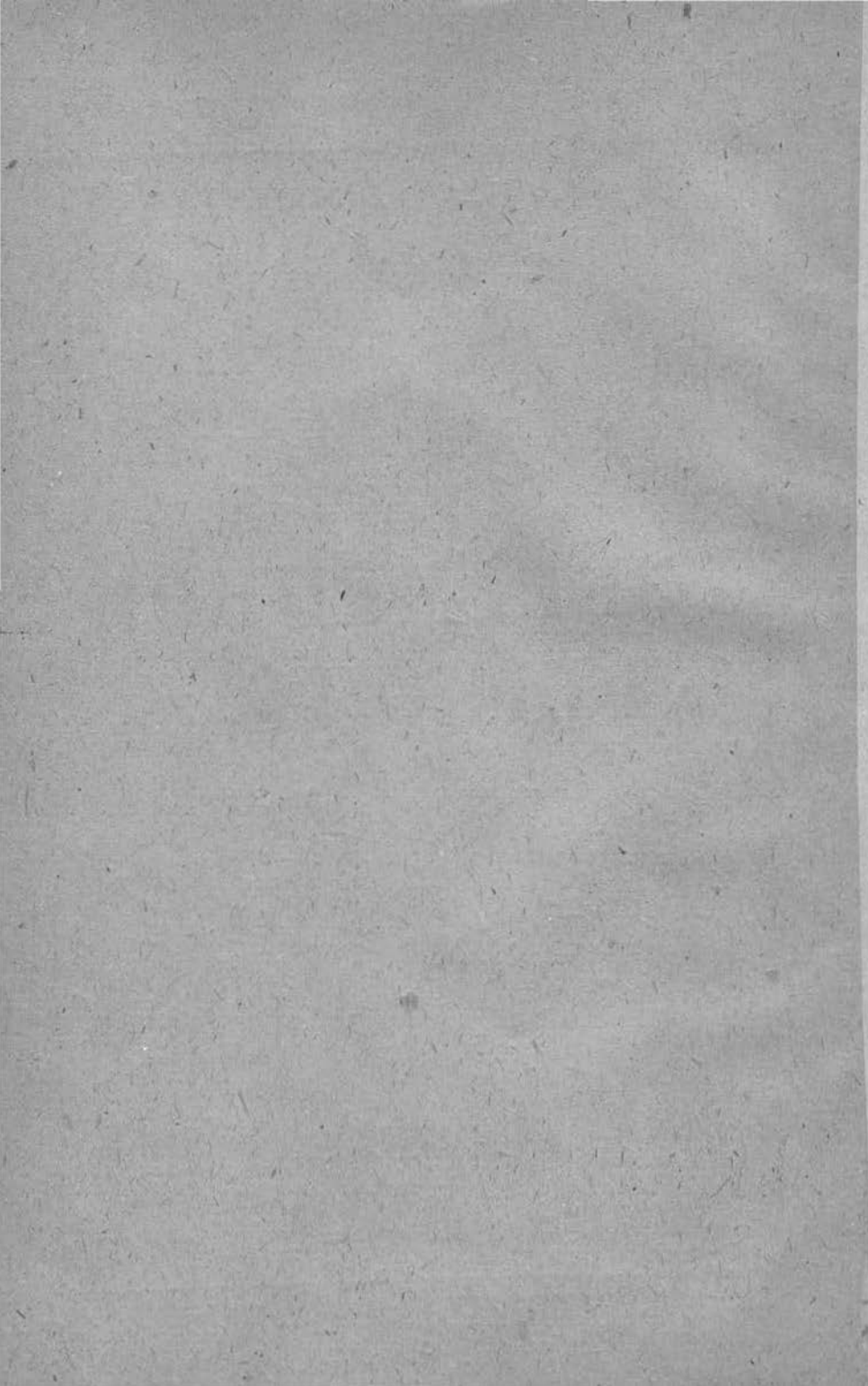
217

№ 212
214

П. КАЗЬМИН.

АКТИВНОСТЬ
В
СОВРЕМЕННОЙ
ШКОЛЕ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"КРАСНАЯ КНИГА"
ОРЕЛ-1924.

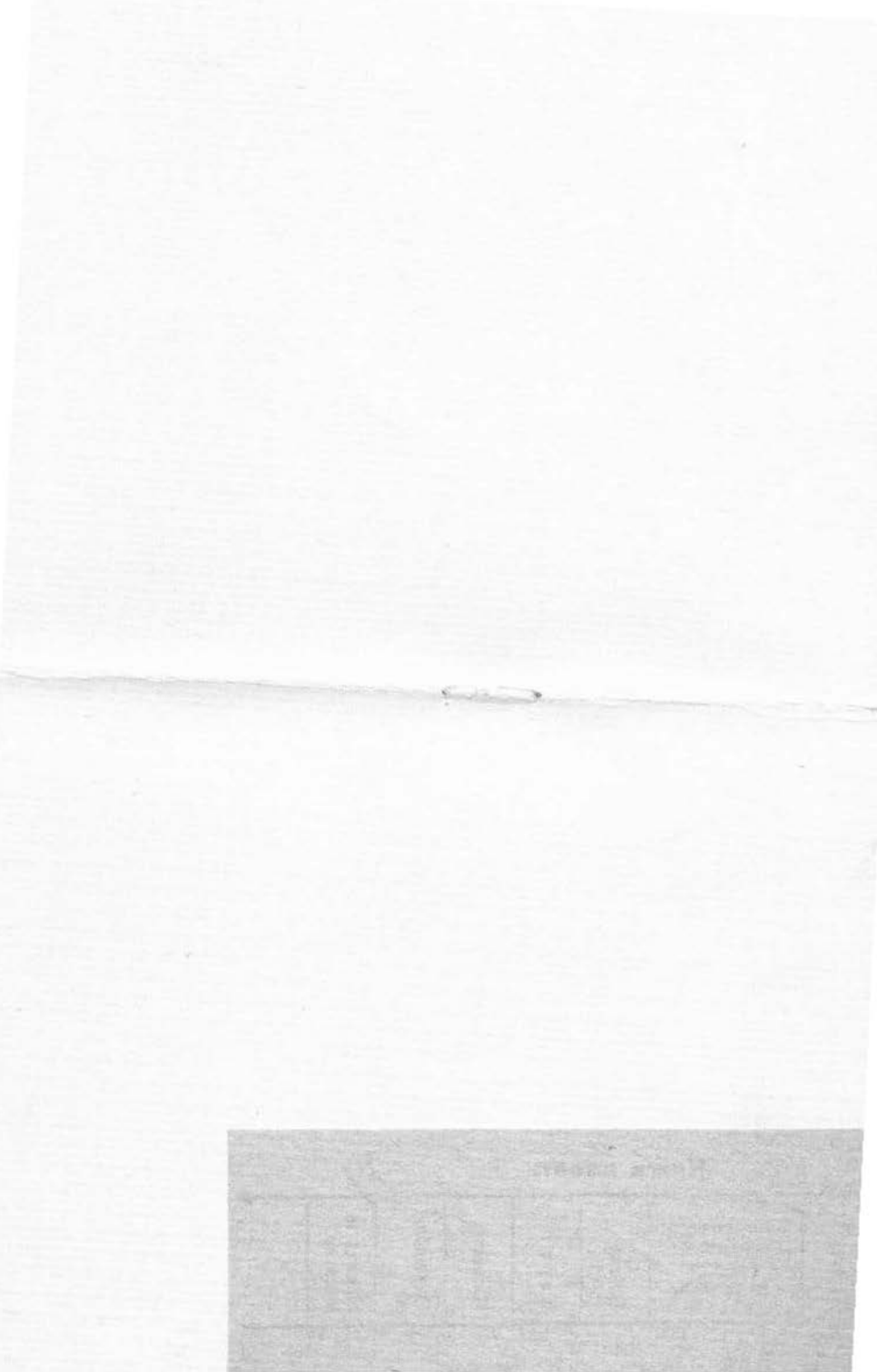

Книга имеет:

58

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Службн. №	Деклар и судасна
5							

1122

W/212
214

П. Казьмин.

АКТИВНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОЙ
ШКОЛЕ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ КНИГА.“
ОРЕЛ, 1924.

И. КАРЯКИН

АКТИВНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОЙ
ШКОЛЕ

2011136938

Гублит. № Ш 2100. Изд-во „Кр. Кни.“ № 33. Зак. № 129. Тираж—3000.

Оред. Типо-Лит. „Труд“ Изд-ва „Кр. Кни“.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Разрыв с неподвижным классом и неподвижными многочасовыми занятиями—неизбежен. В школах на открытом воздухе (лесных, степных, морских и т. п.) мы это имеем уже давно. Детям больше чем кому бы то ни было, нужен чистый воздух, солнце, движения. И во имя этого, во имя здоровья детей школы на открытом воздухе выводят детей из своих, даже хорошо вентилируемых, помещений на открытый воздух не только для занятий, но и для игр, еды, сна. «Работайте, играйте, спите на открытом воздухе»—этот лозунг проводится ими широко. В школах на открытом воздухе классом давно являются степь, поле, огород, сад и т. д. Введены подвижные (легко переносимые) парты. Такой вид работ на открытом воздухе благотворно отражается не только на здоровье детей, но и на их успехах в занятиях.

Как это важно для нашей страны, где так много в настоящий момент физически ослабленных, истощенных детей, где диспансеры не в силах разместить больных детей в санаторных, лесных школах и колониях. Но выдвигая принцип подвижных классов, мы должны также настойчиво стремиться и к подвижным занятиям. Вывести детей в лес и посадить их хотя бы и за подвижные парты—недостаточно. Нам нужно стремиться к занятиям, отвечающим подвижной натуре ребенка, к таким способам получения знаний, какими дети учатся и познают мир вне школы, т. е. к занятиям—не только на месте изучаемых явлений, но и к занятиям, где дети, не стесненные порядком неподвижного класса, имея определенные задания, свободно наблюдают явления, исследуют их, расспрашивают, записывают, зарисовывают свои наблюдения, читают и т. д., к таким занятиям, где учителем детей будет являться многообразная и многоликая учительница—жизнь.

Ставя своей задачей организацию подвижных занятий детей, мы тем самым естественно подходим и к вопросу организации подвижной школы, т. е. такой школы, которая дает возможность детям

получать реальные знания, реальные представления не только в своем маленьком районе, но в самых отдаленных местах страны.

Таким образом мы идем:

1) от неподвижного класса—в жизнь: в лес, поле, огород, завод, на фабрику, выставку, в музей, на лекцию и т. д.;

2) от неподвижных занятий—к занятиям, связанным с активностью, подвижностью детей, к занятиям, где дается простор активности юного исследователя окружающего мира;

3) от неподвижной школы—к школе, преодолевающей (пешком, на трамвае, поезде, автомобиле, пароходе и т. д.) пространственные преграды во имя получения реальных знаний.

Кому близки все эти вопросы, кому близки искания в этой области, тот найдет в предлагаемой работе посильный ответ. А самое главное, эта книга может быть побудит читателя к дальнейшим исканиям, к дальнейшим наблюдениям и опытам.

П. Казьмин.

Подвижность детей и школа.

Если присмотреться к жизни детей, не той, которую они ведут в классе, а к жизни детей на дворе, на улице, в саду, на бульваре, мы заметим одно: дети не сидят спокойно — они постоянно чем-нибудь заняты, причем их занятия почти всегда связаны с подвижностью. Вот — на бульваре: няни, взрослые сидят на скамейках, разговаривают, со скукой поглядывают вокруг, заняты своими мыслями; дети же их захвачены разнородной деятельностью, связанной с подвижностью: они уже успели обегать дорожки, познакомиться с другими детьми, поделиться своими знаниями, порыться в траве, в песке, рассмотреть ряд интересных для них предметов, поиграть и т. д.

На пляже: взрослые лежат, подставив свое тело обжигающим лучам солнца; дети же их за это время успеют избегать весь берег, порыться в песке, перебрать разноцветные камешки, устроить плотины, каналы, целые сооружения из камня и песку, поиграть с приливом и отливом морской волны, засыпать друг другу глаза песком, несколько раз поссориться, подраться, вновь помириться. А если поблизости впадает в море какая-нибудь речка, или на берегу находятся лодки, — нет пределу их деятельности... А как часто ругаем мы детей за тот беспорядок, который они устраивают в комнатах возней и деятельностью!

Стоит нам почитать рассказы из детской жизни, хотя бы Л. Андреева (Петька на даче), Тренева (Омелько), Никандрова (Береговой ветер), Шмелева (Распад, В новую жизнь), Ценского (Уголок, Небо), рассказы Короленко, Чехова, Толстого, Горького и других, и везде перед нами выступают юные деятели, подвижные, всячески пытающиеся зажить собственной жизнью.

И как бывает тяжело тем детям, жизнь которых скована взрослыми!

Вспомним описание Гончаровым „всепоглощающего, ничем непобедимого сна“ в Обломовке. Все спят, только один Млюша „с нетерпением дожидался этого мгновения, с которого начиналась его самостоятельная жизнь. Он был как будто один в целом мире; он на цыпочках убегал от няньки, осматривал всех, кто где спит; остановится и смотрит пристально, как кто очнется, плюнет и промычит что-то во сне, потом, с замирающим сердцем, взбегал на галерею, обегал по скрипучим доскам кругом, лазил на голубятню, забирался в глушь сада, слушал, как жужжит жук, и далеко следил глазами его полет в воздухе; прислушивался, как кто-то все стрекочет в траве, искал и ловил нарушителей этой тишины: поймает стрекозу, оторвет ей крылья и смотрит, что из нее будет, или проткнет сквозь нее соломинку и следит, как она летает с этим прибавлением; с наслаждением, боясьдохнуть, наблюдает за пауком, как он сосет кровь пойманной мухи, как бедная жертва бьется и жужжит у него в лапах. Ребенок кончит тем, что убьет и жертву, и мучителя. Потом он заберется в канаву, роется, отыскивает какие-то корешки, очищает от коры и ест всласть, предпочитая яблокам и вареньям, которые дает маменька.

Он выбежит и за ворота; ему бы хотелось в березняк, он так близко кажется ему, что вот он в пять минут добрался бы до него, не кругом по дороге, а прямо через канаву, плетни и ямы; но он боится: там, говорят, и леший, и разбойники, и страшные звери.

Хочется ему в овраг сбегать: он всего сажених в пятидесяти от сада; ребенок уж прибежал к краю, зажмурил глаза, хотел взглянуть, как в кратер вулкана... но вдруг перед ним восстали все толки и предания об этом овраге, его обуял ужас, и он ни жив, ни мертв, мчится назад и, дрожа от страха, бросился к няньке и разбудил старуху“.

И мы знаем, что из этого подвижного, пытливого мальчика сделала опека матери, разных дядек, нянюшек, опека, ставившая постоянно преграду естественным запросам ребенка. Вспомним Петьку из рассказа Л. Андреева, десятилетнего служащего в парикмахерской. „И утром, и вечером, и весь

божий день над Петькой висел один и тот же отрывистый крик:

„Мальчик, воды!“

и он все подавал ее, все подавал...

У ребенка, как видим, деятельность налицо, но деятельность однообразная, притупляющая сознание, и „Петька спал много, но ему почему-то все хотелось спать, и часто казалось, что все вокруг не правда, а один длинный и неприятный сон“.

И как переменялся Петька на даче! Как ожил. Теперь ему некогда даже обедать. „У него дела было по горло: нужно пять раз выкупаться, вырезать в орешнике удочку, накопать червей,—на все это требуется время“... И в домашней жизни, и в школе мы очень часто ставим жизнь детей в такие же рамки, как это было в парикмахерской.

Вспомним детскую драму, разыгравшуюся на фоне южной природы, у моря, в рассказе С. Ценского „Уголок“, где безумная опека родителей, всячески заглушавшая живые запросы мальчика, кормившая его страхами, погубила ребенка.

Да если мы заглянем в свое прошлое, разве мы не найдем подобных картин в своей жизни?

С одной стороны—наша детская жизнь, которую не хотят признать и понять взрослые, с другой стороны—жизнь, которую навязывали нам взрослые и которую не могли признать и понять мы, дети. Мы бегали, резвились, играли, возились друг с другом и с разными предметами, сталкивались с другими детьми, взрослыми, присматривались к их жизни, повторяли их жесты, слова, тон, действия и т. п.

Продельвая все это, мы не знали, что приспособляемся к окружающей среде, познаем ее, что путем разнородных движений приобретаем жизненный опыт, навыки, что движениями развиваем органы своего тела. Мы знали только, что это—настоящая жизнь, хорошая ли, плохая, но жизнь, которой мы отдавались всем своим существом, со всей искренностью и горячностью.

И эта искренность, это чувство жизни исчезало, когда нас против нашего желания засаживали за книги, тетради,

заставляли часами сидеть в классе за уроками или за приготовлением их к следующему дню. Чувство жизни отлетало от нас, и скука, томительная скука, отражалась на наших лицах, на наших ленивых движениях.

И с каким упоением мы мстили всем тем, кто особенно был упорен в водворении и поддержании жизни, навязанной нам, детям, взрослыми!

А разве теперь мы, взрослые, то и дело врываясь с своим законодательством, с своими порядками, изготовленными нами для детской жизни, разве мы не подносим детям тот же мучительный крик:

— Мальчик, воды!

И тем отраднее слышать о всех попытках руководящих органов, а также практических деятелей, попытках раскрепощения детской жизни, признания за детьми права устраивать самим свою жизнь с помощью и советами всех тех, кого они любят и ценят.

Это раскрепощение жизни детей несет с собой признание за детьми права познавать мир, окружающее, не сидя часами за партой, а входя в самую гущу окружающей жизни, как это они делали до школы, права — бегать, резвиться, играть, в движении разнородной деятельности познавать мир. Этого права до сих пор большинство детей не имеет, а между тем такой путь познания мира — самый, верный, самый лучший и более близкий самим детям. «Согласно теории Дарвина, Ле-Дантек называет „функциональной ассимиляцией“ развитие какого-либо органа упражнением. Конечно, «функциональная ассимиляция» произойдет тем скорее, чем больше будет упражнений. Вот ребенок и нагромождает действие над действием, чтобы поскорее иметь хорошо функционирующие органы. Бегает, суетится, безобразничает, всем мешает, всюду лезет, все расспрашивает, не останавливается ни на минуту.

И все это так необходимо, так естественно и целесообразно, что нет способов заменить такое динамическое, хлопочущее, порывное, непрестанное усвоение самых разнообразных сведений и навыков чем-либо другим, достигающим цели

еще лучше. Ничто не сравнится с динамическим методом при восприятии“ (Богданов. Принципы трудовой школы, стр. 42).

Так ребенок знакомится с миром вне школы, так он должен знакомиться и в школе, скорее в хорошо организованной детской среде. Именно, этого деятельного, активного, подвижного ребенка нужно иметь в виду всем организаторам детской жизни, ребенка в движениях, в деятельности приспособляющегося к жизни и изучающего эту жизнь, а не ребенка класса, не ребенка, связанного разными предписаниями, подчас запуганного, больного, пассивного, ленивого.

Вот о таком воспитании, связанном с активностью детей, заговорили и видные психологи и педагоги-практики.

„Они говорят, читаем мы у О'Ши, что мысль дитяти неотделима от мускулов, что всякая идея принимает у него двигательное выражение, что его ум является, в известном смысле, лишь промежуточной станцией между внешними чувствами и мускулами, что всякая идея для него неполна, пока не реализуется в действии. Ребенок знакомится с миром путем движения. Неподвижное сидение противоречит его природе и потребностям. Если же это сидение занимает значительную часть его жизни, ум его развивается медленно и не-совершенно, да и всему существу ребенка наносится большой вред. Вместо того, чтобы учиться в 5 лет азбуке, он должен знакомиться с цветами, птицами, лесами и полями своей окрестности. Он должен учиться употреблению ножа, пилы, молотка. Он должен работать среди своих куч песка и играть с товарищами. Одним словом, он должен действовать под разумным руководством, а не заучивать на память слова, оторванные от действия“ *).

Особенно настойчиво рекомендует воспитание путем действия Лай. „Обычное в теории и практике преподавание, невнимание к моторной стороне основного психологического процесса «физического» и «телесного» изображения и игры приводит к тому, что детей заставляют сидеть неподвижно

*) О'Ши. Роль активности в жизни ребенка.

в течение многих часов. Далее, не следует упускать из виду, что пренебрежение деятельностью мускулов, которые по весу составляют почти половину тела и играют столь значительную роль в обмене веществ, должно иметь следствием нарушение обмена веществ и это тем более, что дети имеют столь выраженную потребность движения. Наконец, нужно принять во внимание, что четырехчасовое абстрактное формальное преподавание, которое в первые 3 года учения в народной школе почти подавляет собой конкретное, наглядное обучение, оказывает зачастую угнетающее воздействие на состояние здоровья, замедляет и тормозит кровообращение».

Поэтому «серьезное преобразование нашего школьного преподавания, пишет Лай, в том направлении, чтобы оно не убивало, а развивало физическую и духовную природу учащегося, будет достигнуто лишь в том случае, когда основной педагогический принцип действия получит всестороннее и полное осуществление, когда все виды изобразительной деятельности: моделирование, как телесное изображение вообще, производство опытов, уход за растениями и животными, рисование и писание красками, математическое изображение, изображение словесное и драматическое, игры, танцы, гимнастика и формы общения с людьми будут использованы в тесной связи с вещественным преподаванием, опирающимся на наблюдение, и таким образом впечатление и переработка будут завершаться выражением. Всесторонняя изобразительная деятельность, будучи введена в преподавание, даст возможность двигаться и изменять положение тела, даст работу также и более крупным мускулам, будет способствовать дыханию, кровообращению, пищеварению и тем самым общему обмену веществ, заменить буквы, развивающие близорукость, самими предметами и тем устранить главнейшие причины школьных болезней» *).

Русская школа восприняла идеи активного воспитания и попыталась воплотить их в жизнь. Некоторые школы пошли

*) Лай. Школа действия.

по этому пути далеко, но в массе — идеи активного воспитания были поняты узко...

Оглянемся на нашу действительность.

Мы признаем, что активность — важный фактор в жизни детей, что с этим фактором нужно не только считаться, но из него нужно исходить, если мы хотим создать воспитание согласно природе ребенка.

Что же мы делаем?

Мы сгоняем детей в классы и по определенному, на каждый день составленному расписанию, заставляем заниматься. В своих занятиях мы даем детям работу, которая, по нашему мнению, отвечает активности детской натуры, мы заставляем детей рисовать, лепить, вводим драматизацию, аппликацию, устраиваем игры, совершаем экскурсии в природу. И мы спокойны: ведь мы целиком выполняем заветы Лая, и у нас дети активны.

В последнее время активность и самостоятельность детей мы выявляем еще больше. Дети стали заниматься в лабораториях, самостоятельно выполнять задания, по своему выбору работать по тому или другому предмету, самостоятельно распределять свое время.

Разве мы не можем быть спокойны?

Кроме того, дети устраивают собрания, имеют свой старостат, самоуправление и т. д.

Но отчего же и теперь скука написана на лицах детей, почему и теперь они неохотно идут в школу и рады праздникам? Почему же и теперь чуткий педагог, покидая класс, чувствует, что он далек от того, чем живут собравшиеся дети, что у последних есть свое более важное, чем то, что он сообщил им? И не слышит ли педагог и теперь отчаянные детские крики радости, облегчения после урока?

Отчего же все это? Неужели не помогает та активность детей, которую ввели в свою практику педагоги?

Повидимому, нет. И не потому ли, что активное воспитание мы признаем, но понимаем узко. Мы отвели небольшое место для деятельности детей, приоткрыли небольшой кусочек голубого неба и кусочек реальной жизни. Приоткрыли и ста-

раемся удержать детей возле себя, вдали от простора жизни, от ярких жизненных впечатлений; по своей указке заставляем их работать и действовать.

А детям хочется видеть настоящую, подлинную жизнь, хочется самим познавать, наблюдать ее, самим расспрашивать, выведывать, строить свои предположения, догадки, делать выводы, давать оценку явлениям, событиям, и самим как-то войти в эту жизнь в качестве активных деятелей.

Массовая школа до сих пор не учитывает этих обстоятельств. И не мудрено, что дети скучают, томятся в этой школе, их не тянет туда.

Когда беспризорные ребята убегают из детских домов, не могут там ужиться, мы, не задумываясь, говорим,—как же они могут ужиться, эти бродяжки, исколесившие всю Республику на крышах вагонов, в ящиках под вагонами, пешком, на лодках, часто голодные, оборванные, повидавшие жизнь, много испытавшие и пережившие. Им скучно в детском доме. Им нужна другая обстановка, другая жизнь, а не тихая обитель, если так можно назвать, с точки зрения беспризорного, детский дом.

А вот, когда ежедневно на нас смотрят тускло детские глазенки, со скукой на лице отсиживают нужные часы в классе, лениво отзываются на наши предложения работать, мы причину ищем в лени, в непослушании, испорченности, в отсутствии способностей и интересов у ребят...

А ответить, собственно, нужно так же: им тоже нужна другая обстановка, другая жизнь, а не сковывающий тело и дух класс, звонки и расписания уроков.

И к беспризорным детям есть путь, обещающий интересную большую работу с ними; тем более есть путь и к детям массовых школ.

Если находится педагог, который поймет, что беспризорные дети исколесили всю Республику, что они уже с малых лет—бродяги, что в тихой обители они жить не смогут, и попытается организовать соответствующую интересам беспризорных ребят жизнь, организовать совместно с ними, дети

оживут, не убегут из учреждения, не расстанутся с этим человеком.

Вспомним интересный рассказ Сейфулиной „Правонарушители.“

„Не чортом, а поездом“ Гришку Пескова носило из Иваново-Вознесенска по России, служил у Колчака, знаком был с орточка и губчека, сидел не раз в тюрьме, бывал в разных детских учреждениях и отовсюду убегал:

— „Скучно“ главное дело...

И вот попадает Гришка в руки педагога Мартынова.

„И Гришка ожил... Главное дело, весело! Сколько народу за день переглядишь!“...

А когда этот Гришка, исколесивший всю Россию, едет с Мартыновым и другими детьми в колонию, то „дорога для Гришки была, как первый сон чудесный.“

Почему? А вот...

„В двух теплушках ехали.. Худых коров и лошадей вместе с собой везли. На остановках убирали за ними. Воду носили..

В широко открытые теплушки вольный ветер, степной, духовитый врывается. И буйную радость с собой приносит. Гришка криком, визгом, прыжками восторг свой в степь посылал. Для него мчится этот поезд. Для него паровик ревет. Первый раз так почувал: все Гришкино, все для него! И кричал в открытую дверь во всю силу легких: — У-гу-гу-гу-гу!

Вечером, когда прохлада легла, и тихонькими быть захотелось, молоко пили. Теплое, парное молоко. Сами надоили. Ух, и молоко! Да разве расскажешь? Первый сон чудесный разве расскажешь? Ну, как расскажешь, как сами лошадей из вагонов выводили, сами телеги запрягали? Как темной ночью по лесу незнакомому ехали. И сладкой жутью лес обнимал. Как в сказке!

И Гришка не только не сбежал из колонии, но когда услышал, что „велят в город в детские дома свозить“ их, в руку Мартынова вцепился.

—Я, Сергей Михалыч, через день есть буду. Пропади я пропадом, коли каждый день!.. И вдруг все детские нотки в голосе поблекли. Точно сразу взрослым стал и с глубокой тоской протянул:

—Не отдавай нас опять в правонарушители. Глянул Мартынов ему прямо в глаза, не увидел, а почувал в них страшную человеческую скорбь!

Мартынов дал детям жизнь, заполнил их жизнь содержанием, дал им возможность строить, организовывать порядок жизни, почувствовать ее. Дети почувствовали, что они не вне жизни, не в сторонке, а что они причастны к жизни, сами творят жизнь, сами являются ее строителями; при чем результаты этого строительства сказываются не только на их жизни, но и на окружающих. Вспомним, как дети колонии решили помочь детскому дому.

Ребятишки голодные в колонию прибегали стайками. Как воробьи за крошками. Детский дом в деревне был. Заморились там ребята. И летом было не как в колонии, а теперь смерть дохнула. Мальчишек из детского дома у завхоза курортного во дворе поймали. Мясо украли.

Мартынов колонистам рассказал. Гришка затрепетал. Глаза помутнели и стали просить:

—К нам их, в колонию!

Собранием постановили своим отделением считать этот детский дом. Хлеб и на них распределять. По полфунту пришлось на каждого.

Так развернул работу в колонии Мартынов и вернул к жизни „правонарушителей.“

Школы тоже ждут своих Мартыновых.

Там тоже нужно изменить обстановку так, чтобы в ней появился живой дух, позвавший бы к радостной жизни детей, давший бы им возможность выступать в качестве юных деятелей, у которых есть свои задания, тесно связанные с текущей жизнью, свои пути, сделавший бы их участниками этой жизни.

От современной школы требуется «воспитать полезного члена общества—жизнерадостного, здорового и работоспособного, проникнутого общественными инстинктами, обладающего организационными навыками, сознающего свое место в природе и обществе, умеющего разобраться в текущих событиях—стойкого борца за идеалы рабочего класса, умелого строителя коммунистического общества» *).

Мало надежды, чтобы современная школа с переполненными душевными классами, ударившаяся в учобу, смогла воспитать такого члена общества.

Работа по оздоровлению школы еще впереди.

Как это ни странно, но до сих пор еще истинный метод воспитания мы можем наблюдать не в стенах школы, а вне ее, там, где вся окружающая жизнь учит ребенка, где он, живя, учится.

Только тогда, когда мы поведем организацию детской жизни путем введения детей в жизнь, а не путем отгораживания их от жизни, не путем создания монастырских келий, где во имя формальных знаний приносятся здоровье, радость, счастье детей, только тогда мы подойдем к разрешению поставленной задачи.

Во имя раскрепощения детей, освобождения их от невыносимых пут мы должны ввести их с ранних лет в детское общество, дать им возможность принять широкое участие в организации своей жизни, повести детей в природу, в многоликую и многообразную жизнь, чтобы они с малых лет могли разбираться в вопросах жизни и уяснять свое место в ней, чтобы современность была близка ребенку, чтобы труд человека, наука выявились перед ним в разнообразных формах и видах. Не только один или два педагога да книги должны быть источниками познания для ребят, но дети должны учиться везде и всюду и отовсюду получать ответы. В многокрасочной жизни, в опыте разных лиц и учреждений дети найдут нужные ответы. Многокрасочная и многоликая жизнь—лучшая учительница не только взрослых, но и детей.

* Тезисы о самоуправлении, принятые научно-педаг. секцией ГУС/а § 4.

Не она ли учила и воспитывала детей с колыбели, с колыбели питала их мозг и мышцы. Только школа отрывает их от этой великой учительницы, от ее глубоких и правдивых уроков. Наша задача—вернуть детей вновь к учительнице—жизни, распахнуть окна и двери нашей школы так, чтобы жизнь со всеми своими звуками, красками, запахами ворвалась в чинные классы, захватила своим живительным дыханием детей, порвала бы оковы, которые мы, взрослые, нацепили на детей, и дала бы им радость, силы, счастье. Чем больше дети войдут в жизнь, чем больше они будут брать непосредственно у нее уроки, тем скорее из детей выйдут полезные члены общества, тем скорее мы смахнем с лица детей скуку, дадим им бодрость и жизнерадостность.

Только при таком условии воспитание будет жизненным и соответствующим природе ребенка.

Мы приходим к выводу. Учитывая особенности детского возраста: активность, подвижность, признавая активное воспитание более всего соответствующим детской природе, мы должны все усилия и все наше внимание обратить на то, чтобы активность детей не выявлялась только в рисовании, лепке, аппликации, драматизации, случайных экскурсиях и т. д., но чтобы детям дана была возможность самим организовывать свою жизнь при помощи взрослых, получать познание о мире не только со слов учителя и книг, но непосредственно из самой многокрасочной, многоликой жизни.

Подвижные занятия.

Познание окружающего мира детьми вне школы.

Как организовать детскую жизнь так, чтобы дети изучали мир непосредственно, знания получали из самой жизни, чтобы активный метод выявился всесторонне?

Бегло давайте сперва подумаем и посмотрим, как дети учатся вне школы, как они приобретают жизненный опыт.

Вот девочка, ей лет 5—6, она возится еще с куклами, шьет им платья, стирает белье, кормит, укладывает спать, напевая песенки, разговаривает, и все это проделывает так, как ее мать. Мы говорим, что девочка играет.

Да, она играет, но играет так, что воссоздает жизнь, которую она наблюдает вокруг себя, и в этой воссозданной жизни она действует. И целый ряд движений, которые ей потом пригодятся, она накапливает путем опыта, путем повторения. Она играя учится жить, приспособляется к жизни. И ей это не только не скучно, но она вся живет этим.

Значит, девочка взяла у матери жизненные уроки, наблюдая за ее работой, и эти уроки сейчас же воплотила в жизнь. Была бы другая среда, другие наблюдения, она бы сделала по иному.

Приведу другой пример из личных воспоминаний.

Вот собралась большая ватага нас, деревенских ребят: мальчиков и девочек. Любимая наша игра «в хутора». Где-нибудь у плетня мы устраиваем подобие жилья. Здесь наш хутор. На нашем хуторе поселяются мальчик и девочка (муж и жена), а также их дети. А мы все остальные располагаемся жить в другом месте, «в селе». С ранней весны и до поздней осени (в течение одного дня) мы все, за исключением стариков, живем на хуторе; по праздникам «наезжаем» в село «проведать». На хуторе мы пашем, косим, склады-

ваем в копны снопы, молотим (так называемое «просо»), ссыпаем в мешочки, спитые нашими женами и т. д. В общем проделываем весь процесс крестьянского труда. Мы упивались этой игрой, забывали про еду, про купанье в речке. Весь свой опыт и знания вкладывали в это дело, иногда спорили, поправляли друг друга, иногда ссорились, доходило дело до драк, но все это на время, игра продолжалась своим чередом. И никакие книги, никакие рассказы впоследствии не могли мне дать более ярких впечатлений от крестьянского труда, как эти наши игры, в которых мы претворяли в жизнь наши наблюдения и впечатления. А зимой мы нудно заучивали прекрасные стихи Кольцова, нудно слушали объяснения учителя о радости крестьянского труда, нудно отвечали уроки. И все это проходило как-то мимо нас, мимо нашего сознания.

Мы учились хорошо и радостно там, в деревне, а не за партами городской школы. Во время наших игр мы подробно выполняли то, что делали взрослые, но как мы зато и наблюдали за взрослыми, их трудом и жизнью. Мы везде, где хоть намек был на что-нибудь новое, интересное, были первыми. Нас гнали, мы облепляли изгороди, плетни и все узнавали, и по своему все оценивали, и понимали. А на другой день все это было в наших играх: и речь старосты на сходе, речь завсегдашнего пьяницы, и роль человека, забредшего в село с граммофоном, и роль мясника, убивающего обухом корову и свежующего, и молебен в поле по случаю бездождия и т. д. и т. д. Мы брали от жизни то, что она давала, и думали сами в будущем жить и идти по этим проторенным дорожкам. Нам никто не давал другого опыта, а тот новый опыт, с которым мы знакомились в школе по книгам и из слов учителей, редко, очень редко выявлялся нами в жизни. То было «для головы», а для деятельности нашей мы брали уроки друг у друга во время перемен, игр, а в интернате—во всяком проявлении коллективной воли, во всяком протесте против режима, против насилий, учинявшихся над нами.

В жизни, вне класса, мы больше учились и лучше.

Наша литература дает нам целый ряд ярких примеров того, как учатся дети, по настоящему, не в классе, а в самой жизни, учатся радостно, с большим интересом. Мы уж приводили отрывок из романа Гончарова, рассказывающий нам, как учится Плюша. Вспомним также чудесный рассказ Бороленко „Ночью“, где мы читаем о ночных детских собраниях и о том, как дети пытаются разрешить вопрос, откуда берутся на свете дети. Они вспоминают об'яснения няни, что детей подкидывают, под лопухом находят, на золотой нитке спускают. Дети разбираются в этих об'яснениях, дают им оценку; об'яснения няни отвергают, больше у них доверия к теории Мошка. Но все-таки они хотят получить настоящий ответ. Они обращаются с вопросами к дяде Михаилу и Генриху, но ответа не получают; спрашивают затем у кучера Хведько, и его ответ подтвердил теорию детей, составленную ими на об'яснении Мошка... Дети жадно пытаются разрешить волнующий их вопрос, ловят слова, выражения. Из обрывков фраз, мыслей составляют понимание явления, но накапливают снова опыт и проверяют свое прежнее мнение. Работа деятельная, основанная на реальных переживаниях.

Я напомним еще об одном рассказе Шмелева „Распад“, где писатель ярко изображает перед нами путь умственной работы, которую проделывает мальчик, знакомясь с окружающим миром.

Коля очень любознателен; пытливыми глазенками он всматривается во все, что творится на дворе и в домах, во все вслушивается, все хочет понять, всех расспрашивает, тормошит. И так как источники знания о мире немногочисленны, то во всех его суждениях, понятиях сказывается тот мир, который его окружает.

Стоит только внимательно вдуматься в его мысли о рае, смерти, кирпичниках, о Лене и его поступках и т. д.; как вы увидите преломление во всем суждении окружающих лиц. Правда, он не всегда им доверяет, хочет дойти до истины тем или иным путем, но власть среды необыкновенно заметна.

Как же Коля учится? Прежде всего он сам наблюдает, зорко следит за тем, что происходит на дворе; от него ничего не скроется. В своих поисках он постоянно делает открытия.

„У забора растут грибы-шампиньоны. Я их открыл и помалкиваю, чтобы сделать сюрприз. Кроме того, я сделал еще открытие“. Коля видел, как Леня украдкой встречался с реалистом. „Эта таинственность мне очень нравится. Я готов помогать им в их делах, должно быть очень важных и опасных“.

„Каждый день я делаю новые открытия. Играя в палочку-выручалочку, я забрался на сеновал и застал там нашу горничную Пашу и Гришу (дворника). Они играли сеном. И когда я спросил, что они тут делают, Паша, вся красная, стала быстро, быстро застегивать кофточку и оправлять волосы, а потом вдруг стала просить меня, чтобы я никому не говорил. Гришка же стоял в сене, покачивался и улыбался. Я подозреваю, что они что-нибудь утащили и прячут в сено“.

Коля ловит слова, по ним он пытается объяснить непонятное в прежнем опыте. За разъяснением непонятных слов, выражений и явлений он обращается к разным лицам.

Гришка, дворник, бросает горничной Паше по адресу другой горничной, Груши, слова:

„— Вон Грушка-то уж наела брюхо.“

И сейчас же пошел к Степке (товарищу) за объяснением. И Степка рассказал мне такое, что это все враки. Как-нибудь я сам спрошу Грушу, которая, действительно, растолстела, носит высокий передник и очень редко выходит грызть семечки“...

„Я теперь знаю много замечательных слов: лахудра, прохвост, нигилист, скудент — и другие. Но есть еще слова, которые мне совестно произносить, хотя я и не понимаю их. Я только догадываюсь“.

А вы вчитайтесь, как он доходит до понимания отдельных слов. Вот произнесено на дворе новое слово: нигилист.

„Я спрашивал, что значит „нигилист“, но все говорят по-разному. Домна говорит, что это значит „нехристь“, который в пост скоромное лопает и в церкву не ходит. Гришка сказал, что это „жулики“ и вообще, так... которые, вообще... вроде как бы черти.“

Я, конечно, ничего не понял, и мы решили, что это должно быть страшные преступники, которых еще недавно возили на черной телеге куда-то „на конную“.

И вот дядя Захар боится, как бы Леня не превратился в нигилиста. Но мы... мы все хотим, чтоб он превратился: тогда все узнаем“.

Но вот убили царя, двор переживает страх, и Коля допытывается у разных лиц объяснений, кто враги. Опять нигилисты. И у него теперь после разговоров определенное мнение. „Теперь я хорошо знаю, кто они. Это особые молодые люди, которые всегда с книжками, ходят в круглых шапочках и очках, носят длинные волосы и никогда не женятся. Они много учились и заучились так, что у них „ум за разум зашел“, как сказал дядя Захар, приходивший к нам пить чай. И среди них есть девчонки даже, которые забыли бога и стыд“.

Этот рассказ ярко показывает и желание ребенка получить ответ, и беспомощность его; потому что окружающие или не больше его самого знают, или не хотят ему сказать. По личным наблюдениям, по обрывкам слов, по намекам он составляет определенное мнение по тому или иному вопросу, и мы видим, как на этом мнении лежат напластования различных других мнений, часто не связанных друг с другом. Эта работа дает жизнь и радость мальчику, накладывает большой отпечаток не только на его мысли, но и на дела, определяет его поведение.

Получается любопытная картина. Ребенок везде и всюду наблюдает, прислушивается к голосам жизни, дает оценку событиям, мечется, расспрашивает и ни от кого толком не получает настоящего ответа. В голове—суждения о вещах и явлениях жизни, оценка их, но все это пропитано взглядами и суждениями Гришки, Паши, Степки, Архипа, дяди Захара и других... А школа, где он учится, школа, которая бы помогла ему разобраться во всех этих недоуменных вопросах, эта школа далека от мальчика, она такие вопросы, вопросы жизни не разрешает; а от разрешения этих вопросов зависит и поведение ребенка. И учит, оказывается, не школа, а Гришки, Степки, Архипы и другие, а школа в это время дает

формальные знания, которые мало отражаются на поведении мальчика. Отсюда — обычная картина: человек кончил гимназию, университет, изучал ряд наук, а суеверия, предрассудки, воспринятые в детстве, не только не исчезали, а попрежнему направляли деятельность взрослого человека.

Из этих примеров, из личных наблюдений мы должны будем уяснить себе способы получения детьми знаний, способы познания окружающего мира. Это — способы непосредственного изучения мира, жизненных явлений, способы личных наблюдений, расспросов, собирания нужных для ответа материалов, способы „открытий“, способы, в которых дети являются юными деятелями, исследователями.

Эти примеры должны нас заставить подумать о том, как организовать детскую среду, детскую жизнь, чтобы не было разрыва с окружающей жизнью, чтобы ребенок не был беспомощен в разрешении жизненных вопросов, чтобы школа помогала ему в этом.

Эти же примеры говорят и о том, чтоб мы, педагоги, заботились всячески о расширении опыта детей, чтоб ребенок знакомился не только с опытом небольшого мирка, в котором он живет (будет ли то семья, школа, товарищи по двору и школе и т. д.), но и с всесторонним опытом.

У ребенка должна быть возможность претворять полученное знание в дело, чтобы вновь приобретенный опыт выявлялся в поведении, деятельности детей.

Отсюда — наши основные, но не единственные моменты в работе с детьми следующие: 1) выявление детского прежнего опыта, 2) искание и накопление нового опыта и 3) выявление в деятельности вновь приобретенных знаний, нового опыта.

Выявление опыта детей.

Нашей первой задачей в работе с детьми должно быть выявление у детей их прежнего опыта, но это выявление должно происходить не только в классе, но главным образом и больше всего в деятельности детей.

В классе, в беседе с детьми по поводу рассказанного, прочитанного, можно хорошо выявить детский опыт. Вспомним интересный пример, приведенный Шацким в статье „Школа для детей или дети для школы“ (На путях к новой школе № 2); дети читали рассказ „Как мальчик рассказывал о том, как его в лесу застала гроза“ и затем переплели на свои рассказы о грозе. В этих рассказах выявился опыт детей, весь пронизанный влиянием окружающей среды.

„Можно, пишет Шацкий, пользуясь только детскими наблюдениями, гипотезами и выводами близко подойти к тому, чем надо дополнить (именно дополнить, а не заменить) детские идеи и наблюдения над грозой. Мы видели, какая масса суеверий с нею связана, что эта связь прочна, что она имеет прочные бытовые черты. Я сказал бы, что нечто стоит уже конкретное, могущее быть введенным в быт деревни, как новый элемент, связанный с поражающим явлением грозы. Нечто это—доведенный до надлежащих размеров и устройства громоотвод, отвечающий идее Тани о железной трубе, притягивающей „грозу“ в связи с ее теорией грозы, „которая землю любит и в нее уходит“.

Много любопытного и интересного в этом отношении мы можем найти в книгах Гансберга „Творческая работа в школе“, Шаррельмана «Трудовая школа», Михаэлис-Стангеланд „Школа радости“ и др.

Малыши обычно ярче всего выявляют свой опыт в самостоятельных играх, старшие дети в разносторонней школьной деятельности.

Мне лично удавалось выявить опыт детей и в то же время ближе познакомиться с их характерами и их интересами во время коллективных игр-импровизаций, которые мы называли игрищами. Делалось это обычно так. Несколько мальчиков и девочек (человек 5—7) заранее составляли со мной сценарий игрища и разрабатывали детальный план проведения его. Остальные дети сценарий не знали. В назначенный день игрище разыгрывалось; но играли все дети школы; организаторы игрища незаметно направляли ход действия. Дети не знали ни начала, ни конца игры, втягивались в игру раз-

вертывающимися событиями, выявляя при этом свои способности, интересы и получали громадное удовольствие.

Импровизировали дети, импровизировали и организаторы. Для большей ясности опишу игру, проведенное весной 1923 г.

Был чудесный солнечный день. В парке (дело происходило в Сокольниках) лежал глубокий снег. Но на солнце было тепло. Когда дети утром пришли в столовую, им в глаза бросились цветные разрисованные плакаты:

- 1) Весна, весна красная!
Приди, весна, с радостью,
С радостью, радостью,
С великою милостью;
Со льном высоким,
С корнем глубоким,
С хлебом обильным!
- 2) В нашем парке спит весна.
- 3) Весна ждет Вятзя—Освободителя от чар зимы.
- 4) Путь к весне укажут Вестники весны и Вещая старуха.
- 5) На пути—опасности. Ищите весну группами.

Дети начали оживленно обсуждать написанное на плакатах и разбиваться на группы; в каждой группе были выбраны свои вожаки. Но были смельчаки, которые решили действовать самостоятельно. В стекла веранды они увидели какие-то фигуры, бродившие в парке. С нетерпением ждали сигнала. Прогудела труба. Дети бросились в парк. Рассыпались в поисках весны. Вещая старуха (играла учительница-естественница), Вестники весны давали какие-то загадочные ответы на вопросы искавших, говорили о разных признаках весны (о почках, гнездах, криках птиц и т. д.) По парку в соответствующих костюмах бегали Мороз, Ветер и Снег (эти дети также сценария не знали), нападали на искавших, обсыпали их снегом, толкали в сугробы. Где же весна? И вдруг вновь загудела труба. Все бросились на ее зов. Оказывается, один мальчик нашел Весну. На укромной полянке парка, освещенной солнцем, за бугорком снега, на низких козлах, хорошо укутанная меховыми одеялами и покрытая сверху простыней,

лежала девочка—Весна—с закрытыми глазами. Все собрались на полянку, все пытались разбудить Весну. Усилия были напрасны. Весна даже не улыбалась. „Только вещим словом вы разбудите ее“, промолвила старуха. И дети пытаются найти это вещее слово. Но это не так легко: слов много. И вдруг с губ одного срывается слово: солнышко! Весна просыпается, отерывает глаза, приподнимается, окидывает взглядом всех собравшихся, благодарит мальчика, разбудившего ее ласковым словом, и дает ему в награду цветок. Затем она посылает всех на борьбу с Морозом, Ветром и Снегом и все, что они захватят во время борьбы, все победные трофеи, принести к ней. Дети рассыпались; в разных местах парка раздались крики, смех. А через некоторое время они появляются то с обломком санок, лыж, то с коньками, старыми валенками, шапками и, наконец, приводят Мороз, Ветер и Снег.

Начинается торжественное шествие Весны.

Впереди идут пленные Мороз, Снег и Ветер, впереди же несут и победные трофеи (шапки, валенки, обломки санок, лыж, сосульки ледяные и т. д.). А в середине шествовала Весна, окруженная Вестниками и искавшими ее...

Конец игрища—сожжение победных трофеев—не удалось разыграть: детям пришлось освобождать валенки от снега и менять чулки. Играли около 3-х часов. Это был самый несложный сценарий игрища; другие были значительно сложнее; тогда играли от 7 до 10 часов. При чем сценарии так составлялись, что у детей были моменты полного отдыха, покоя. Детям игрища очень нравились.

Мне лично игрища давали большой педагогический материал. Предо мной разворачивались силы и способности детей, выявлялись их группировки, их вожаки, организаторские способности одних и пассивность других и т. д. Во время игрищ приходилось разбрасывать лагерь, исследовать незнакомые места (необитаемый остров), по загадкам отыскивать местонахождение кладов, разрешать спорные вопросы, создавать общественные организации, отряды и т. д. Предо мной налицо были прообразы будущих граждан, будущих общественных деятелей. Игрищам, по моему мнению, вообще предстоит большое будущее.

В игрища будут современем втягиваться не только дети одной школы, но будут играть совместно разные школы. Будут использованы для игрищ трамваи, поезда, лодки, пароходы и т. д. Это будут большие детские действия, где по сценарию, под руководством опытных организаторов из взрослых и детей, дети разных школ будут выявлять свои организаторские и творческие способности...

Ярче же всего и полнее детский опыт может выявиться там, где детям предоставлена широкая возможность действовать, организовывать свою жизнь. В таком положении находятся детдома, школы-коммуны, колонии и т. д. Организация питания, жилья, школьного хозяйства, вопросы взаимоотношения детей друг к другу, организация развлечений, игр, экскурсий, экспедиций—все это требует деятельности детей, выявления их опыта. Книга Шацкого „Бодрая жизнь“ в этом отношении поучительна.

Но даже и обычная массовая школа, где дети проводят только несколько часов, где серые стены говорят больше об учебе, не только может, но и должна дать детям возможность выявить свой как прежний опыт, так и вновь приобретенный, расширенный в разнородной деятельности. Как? В какого рода деятельности?...

Если мы пришедшим в нашу школу детям будем говорить, что они в школе должны учиться и только учиться, а не жить полной, всесторонней детской жизнью, тогда, конечно, о такой деятельности детей, в которой бы выявлялся опыт их, говорить нечего. Дети будут учиться читать, писать, считать, изучать разные предметы, а жизнь свою будут строить по тем образцам, в силу тех привычек, которые подарила им окружающая их среда.

Если же с первого момента мы попытаемся создать совместную жизнь детей, где столкнутся их разнородные мнения, привычки, интересы, мы увидим, как разнородны и своеобразны будут виды деятельности ребят.

Есть детские библиотеки, куда дети ходят только менять книги; но есть и такие, вокруг которых вырастают кружки, клубы, детские отряды всякого рода, вырастают целые дет-

ские учреждения, в которых дети охотно проводят время, к которым любовно относятся. В таких естественно возникших детских учреждениях жизнь обычно бьет ключом, это настоящие муравейники; здесь многому можно научиться нам, школьным работникам.

То же и со школами. Одни—далеки от детей и чужды им, другие же иногда разворачивают такую интересную детскую жизнь, создают такую бодрую, радостную атмосферу, что радуешься и за детей, и за педагогов, создавших такую школу.

Вот собрались новички в школу. Дадим им первое время позаниматься тем любимым делом, каким они охотно занимаются дома. Пусть и материалы, и инструменты свои принесут. И вот мы увидим детей, наклеивающих картинки, рассматривающих журналы, играющих в куклы, рисующих, занятых коллекциями денег, марок, увлекшихся игрой и т. д.

Перед нами открывается картина разнородной деятельности ребят, разнообразных интересов. И сейчас же организационные вопросы встанут перед нами. Окажется, что одни слишком громко разговаривают, другие возятся и мешают работать, третьи поссорились, иные захотели, глядя на других, тоже рисовать и т. п.

Пришли дети из разных мест, с разнородным опытом и интересами. Каждый принес свое. Интересы столкнулись. Не придется ли в первый же день устроить собрание для решения вопросов, как упорядочить жизнь, как научиться рисовать, собирать марки и т. д.? Не придется ли с первого же дня выработать с детьми кое-какие правила и наметить пути занятий, интересных если не для всех, то для той или другой группы?

И если мы серьезно отнесемся ко всем этим вопросам, то у нас начнет разворачиваться интересная детская жизнь. Не беда, если в первые дни она будет беспорядочна, если слишком разнородны будут виды работы детей, будут ссоры, недоразумения. Чем дальше будет идти работа, тем с большим удовлетворением дети будут видеть, как из хаоса будет вырастать порядок, как возникнут общие цели и будет налаживаться жизнь детского коллектива.

Перед детьми встанут вопросы взаимоотношения друг к другу, бережного хранения школьных и классных вещей, вопросы гигиены, организации игр, праздников, экскурсий; в группе появятся животные, цветы, детская кооперативная библиотечка, всевозможного рода коллекции, появятся альбомы детских рисунков, любимых стихотворений; встанут вопросы о завтраках, об участии детей группы в общешкольной жизни, о связи с другими детскими учреждениями и т. д.

И эта разнообразная жизнь потребует от детей умения читать, писать, считать; мало того, потребует много таких навыков, какие прежняя школа не давала: умения оберегать и ухаживать за своим телом, умения жить в коллективе, самим устраивать жизнь, выносить на собраниях решения и им подчиняться без всякой уязки, вести собрания и т. д.

В старших группах мы будем иметь дело с детской кооперацией, всевозможными отрядами и дружинами (пионеров, санитарными, сельско-хозяйственными, юных натуралистов и т. д.), завяжем деловые связи с фабриками, совхозами, детучреждениями, организуем детские объединения, попробуем совместными усилиями разных школ организовать мастерские, лаборатории, хорошие клубы, выставки, оркестры, хоры, издавать журналы, газетки и т. д., примем большое участие в организации беспризорных детей, в борьбе с безграмотностью, в «Лиге Время» и т. д.

Приобретение нового опыта.

Остановиться только на выявлении прежнего опыта, конечно, нельзя. Мы с детьми должны будем иметь всегда перед собою цель, как можно лучше организовать жизнь, неустанно совершенствовать ее. Для этого мы будем брать уроки. Не следует довольствоваться только своим маленьким опытом. Вторым моментом нашей работы с детьми и будет искание новых форм жизни, опыта иного, лучшего, чем у нас. Мы будем искать его везде, где, по нашему мнению, мы можем найти, будет ли

этот опыт вблизи нас или далеко. Наша современная школа осторожно, еще боязливо, но уже подходит к такого рода деятельности: к исканию новых форм жизни, нового опыта. Современные детские учреждения завязывают дружеские отношения друг с другом, делятся своим опытом с другими учреждениями, специально изучают постановку того или иного дела в других местах, чтобы затем выявить приобретенные знания у себя. Делается это так, конечно, не везде. Большею частью накопление нового опыта носит характер, так сказать, академической работы, больше для выполнения программы, а не для улучшения и организации текущей работы. Но интересен уже тот факт, что учителя за новым опытом стали обращаться не только к книгам, рассказам но и к самой жизни. Новые знания стали получать не только в классе, а в разных местах, и не от одного учителя, а от разных лиц. Это явление знаменательное, за ним большое будущее.

Приведу ряд примеров.

Вот по улице Москвы рассыпались группы детей одного возраста. Они внимательно рассматривают окружающее, читают надписи на вывесках, рассматривают витрины, расспрашивают прохожих, что-то записывают в своих тетрадках, зарисовывают.

Оказывается, детям даны были задания учительницей: ознакомиться с улицей города. Задания были даны или каждому в отдельности, или небольшим группам. И вот дети собирают необходимые сведения: одни—о торговых учреждениях, другие—о культурно-просветительных, третьи—о правительственных и т. д.

Дома или в школе приводят материалы в порядок, а затем с своими работами знакомят друг друга.

Во время этой работы им приходится лично наблюдать, на месте изучать явления и предметы, расспрашивать о них у разных лиц, записывать, зарисовывать, подбирать нужный вещественный материал, все собранное приводить в должный порядок, писать доклад или сообщение, высчитывать, рисовать диаграммы, делиться результатами своей работы с другими

детьми, заслушивать или просматривать работы других и т. д. Мы видим, что детям приходится проделывать большую работу и самую разнообразную... О такого рода работе по обществоведению сообщает Дзюбинский: «Вместе с преподавателями учащиеся рыщут по Москве и учреждениям, роются в библиотеках, делают устные доклады на широких школьных конференциях, львиную долю работы проделывают в кружках, издают обществоведческие сборники, обществоведческие журналы и стенные газеты, составляют диаграммы, посещают лекции видных политических деятелей, в чем докладывают всей школе. Такая работа не нуждается в особой «проверке знаний», учет работы ведется непрерывно и наименее активные и успевающие выделяются механически»^{*)}).

А вот пример из практики 1-й опытной Лесной школы Наркомздрава. Дети в этой школе работают и живут только по 6 месяцев. В году бывает две смены. Вот в ноябре 1922 г. дети только что прибыли. Педагог вместе с детьми своей 4 группы (1 ступ.) решает первым делом ознакомиться со школой и выяснить вопрос: «что такое Лесная школа и каковы ее задачи»? Общую тему разбивают на ряд мелких: 1) кто и как работает в Лесной школе, 2) режим Лесной школы, 3) порядок дня, 4) задачи Лесных школ и т. д. Каждый из детей группы взял тему, некоторые — вдвоем. При чем было указано, что источниками для работ могут служить личные наблюдения каждого, расспросы у лиц, живущих и работающих в школе. Началась работа. Появились затруднения.

Мальчик, у которого была тема: «кто и как работает в Лесной школе», подходит к руководителю и говорит: «Я здесь никого не знаю и мне трудно выполнить работу, хотя и хочется». Руководитель выходит тогда с ним на двор школы и говорит: «Смотри и наблюдай». Перед мальчиком разворачивается картина труда рабочих и служащих школы. По двору бегала скотница, нося в подоле корм для скотины, у баретного сарая кучер возился с „Змейкой“ (лошадью), татары

*) „На новые рельсы“. На путях к новой школе №№ 7—8, 221 стр.

старательно кололи дрова и складывали их на большие санки, у ледника стояла экономка с ключами и поджидала кучарку, достававшую мясо. Потом появляется заведующая хозяйством, велит кучеру запрягать лошадь.

Прошла заведующая школой в канцелярию...

—Видишь, говорит руководитель, понаблюдай еще, распроси каждого, поговори с ними об их работе и пиши!

Мальчика заинтересовала такая работа. На другой день он подал руководителю письменное сообщение, начисто переписанное и отделанное.

Он, действительно, говорил и с канцеляристом, и с заведующей хозяйством, и с заведующей школой, и с другими лицами об их работе.

Девочка, писавшая на тему: „питание в Л. школе“, воспользовалась всеми данными, которые она получила от заведующей хозяйством и на кухне. Мальчик, работавший над вопросом—«режим в Л. школе», воспользовался не только личными впечатлениями, но и беседой с врачом школы. В общем детям пришлось черпать материал отовсюду и от разных лиц. Были использованы и книги о лесных школах.. Во время выполнения работ дети были предоставлены себе. Они ходили, расспрашивали, наблюдали, записывали, отделявали свои материалы, а потом были назначены определенные часы, в которые заслушали сообщения детей и обсудили их с разных точек. Такой способ работы детям очень понравился. Широко к такого рода занятиям прибегает школа-колония при биостанции юных натуралистов и не только при изучении природы, но и при работе по другим предметам. Летом 1923 года дети школы-колонии для изучения с. Богородского «по индивидуальным склонностям» разделились на 4 группы: обществ, экономическую, бытовую и по изучению природы, под руководством соответствующих преподавателей. Очень большая часть работы произведена детьми самостоятельно.

Главный интерес сосредоточивался собственно не на самом краеведении. Педагоги стремились научить детей исследовательски самостоятельно подходить ко всем вопросам жизни и делать из отдельных конкретных фактов общие выводы.

Эти-то общие выводы и являются центром тяжести, для них-то и проделана вся работа над местным материалом. Кроме того дети признают, как достижение этой работы, умение подходить к людям с вопросами и получать от них нужные сведения».*)

«Если биостанция объектом своего исследования ставит природу, то другие пристально, кропотливо и с воодушевлением изучают город, фабрику, быт, памятники старины и т. д.

Потылихинская школа на Воробьевых горах в ряде экскурсий в Ново-Девичий монастырь развернула увлекательнейшие страницы истории, начиная от Наполеона, нашествие которого помнит, по рассказам детства, старая игуменья, и кончая своеобразными творимыми легендами, какие создаются в монастыре о нашей современной советской эпохе. Работы учащихся, посвященные Ново-Девичьему монастырю, хранятся в Гуманитарном Институте и представляют интерес не для одной только школы.

Если бы школа-коммуна собрала все, что она, начиная с 1920 года, исследовала с помощью учащихся на Бутиковской фабрике по части техники, экономических отношений рабочего быта, то мы имели бы, вероятно, яркую картинку из жизни современной московской текстильной фабрики. Та же школа-коммуна в 1920—21 г. в имени Звенигородского уезда со II ступенью изучала историю барских усадеб, а с I-ой составила прекрасные таблицы из жизни местной природы (лесное сообщество, виды почвы и т. д.).

Гагинская станция в ряде деревенских школ произвела исследование своего края, и результаты его почти готовы к печати под назв. „Наша волость.“

В таких же условиях работавшая Шатурская станция собрала разнообразнейший материал силами не только детей и учителей, но и всех интересующихся из местного населения крестьян и рабочих, и привлекла к работе ученых краеведов. Работа эта замечательна тем, что здесь научно-исследовательский характер переплетается с общественно-

*) Н. А. Сергиевская. Летняя работа оп.-пок. учр. Н. К. П. Вестник Просв. № 10, 23 г. 146—147 стр.

пропагандистским и агитационным (исследуются и разоблачаются чудеса в роде Бездонного или Святого озера, анализируются местные предания и легенды). Там же были собраны любопытные образчики современного эпоса в виде частушек, распеваемых современными торфужками (сезонными работницами по торфу). В одной из сельских школ, Нарышнинской, бывшей центральной для нескольких деревень, по каждой из них были собраны сведения о количестве скота, посевах, собираемого урожая, работающих на отхожих промыслах, грамотных, — словом, уголок современной деревни, как она есть, выраженный в диаграммах, раскрашенных красными, синими и зелеными карандашами, наивно, но ясно, толково и совершенно правдиво. И учащиеся, проделав эту работу, уразумели хозяйственные перспективы, идею смычки, государственного хозяйства, социализма. Школа труда и жизни осуществлялась здесь в этих деревенских классах.*)

В статье „Школьный день**“) А. Гинтовт говорит об интересной работе «Отряда искателей».

Среди поставленных в предварительном плане задач мы находим: 1) получить знания путем преимущественно личных наблюдений и разработки сырого материала для получения ответов на возникающие вопросы; 2) связать учебные задания с заданиями чисто воспитательного характера — коллективно выработать ряд положительных требований к самому себе, укрепить в себе выдержку — волю, развить эстетические запросы, связать всех членов железной самодисциплиной; 3) черпать материал для наблюдений из природы и быта населения ближайшей местности, делиться с населением своими знаниями, положительными навыками, достижениями (пение, драматизация, гимнастика и пр.); 4) проводя значительную часть времени на воздухе, укрепить свое здоровье, закалить себя, приучить тело к выносливости и строгому соблюдению главнейших гигиенических требований; 5) общее основание — строить серьезную работу, исходя из занимательности игры.

*) А. Руднева. Центр. оп.-показ учреждения Н. К. П. Современная практика социального воспитания. Стр. 229.

***) Сборник — «Современная Школа», под ред. Ангерта, Лемберг, Райнова

Отряд главное внимание обратил на экскурсирование, построенное по типу экспедиции—путешествия в целях всестороннего изучения данного края (уезда), с остановками в пути для дневного отдыха и ночевками (приготовление пищи, выбор места, окарауливание и т. п.), с организацией более или менее длительных лагерных стоянок, устройством особого уклада жизни «отряда», основанного на широкой самостоятельности всех его членов.

По окончании первых работ в самой школе, отряд приступил к систематическому экскурсированию по уезду (пешком), начав с 5-верстного перехода в день и доведя до 22 верстного.

Согласно плану, проведенному в жизнь, на подготовительные работы уходило $\frac{1}{2}$ —1 день (ознакомление по карте с маршрутом пути, чтение, программа для собирания материалов, добыча оборудования по секциям, приготовление хозяйственного снабжения, починка платья и проч.), на самую экскурсию—два дня (с ночевкой в деревне, обычно на сеновалах), $\frac{1}{2}$ —1 день на предварительную разработку, классификацию собранного материала и суммирование полученных впечатлений (писание отчетов общего характера и по секциям). После экскурсии делалась маленькая выставка собранных материалов и читались учащимися отрывки из их отчетов, дополняемых устными рассказами других участников отряда.

Отряд одновременно делится на более или менее специальные группы или секции:

- 1) медицинская (задача: обслуживание отряда в случаях необходимости подачи первой помощи, собирание материалов по нар. медицине и обследование населения с санитарно-гигиенич. точки зрения),
- 2) ботаническая,
- 3) зоологическая,
- 4) географическая,
- 5) фольклор (этнографическая),
- 6) историческая,
- 7) художников.

Во главе отряда президиум, избранный на общем собрании, и хозяйственная комиссия, самостоятельно ведущая всю работу по подготовке к пути и содержанию во время пути отряда. Президиум вел общий дневник деятельности отряда, каждый член секции—свой особый дневник—отчет.

Пребывание сравнительно длительное (около 2-х суток) среди природы, вдали от привычной, более удобной обстановки, приучало детей к самостоятельности, находчивости, выносливости, развивало чувство ответственности за свои поступки (доказать недоверчивым крестьянам, что экскурсанты сумеют бережно отнестись к их посевам), социальные навыки (оказать тем же крестьянам посильную помощь, развлечь их постановкой спектакля и т. п.), дисциплину и товарищескую спайку—как необходимые условия жизни коллектива, к этим же моментам воспитательного характера нужно отнести минуты тишины (от 3 до 15 мин.), во время которых учащиеся должны были сосредоточиться, уйти в созерцание природы, пережить те эмоции, о которых они знают (или узнавали после бесед) из художеств. произведений мастеров слова, подвести мысленно итоги полученным впечатлениям во время пройденного пути. Разбивка палатки, приготовление пищи на костре, игра „в телефон“, перестраивание рядов по одному безмолвному знаку председателя отряда или руководителя, ночевка на сеновалах, катанье ночью на лодке—элементы игры, дававшие детям большой запас радостных, ярких впечатлений, скоро отражавшихся как в более свободной устной речи—рассказе учащихся, так и в письменных работах—дневниках, отчетах; незаметно для самих учащихся обогащался их язык, росли, оформлялись эстетические запросы, развивалась товарищеская спайка, крепла вера в себя.

На этом общем фоне шли серьезные работы, к которым вначале учащиеся были мало подготовлены. Но основное требование—самим добиться ответов на возникающие вопросы, самим найти способы к более успешному выполнению поставленной задачи—ознакомиться всесторонне с местным краем,—выручало в трудные моменты и вскоре давало радость осознания самостоятельно достигнутых успехов.

Первые разговоры с крестьянами (часто неудачные), своеобразные приемы завязывания беседы (просьба при входе в избу дать попить воды, некоторые наиболее ретивые исследователи деревенского быта выпивали по 4 ковши воды, пока проходили деревню и получали интересные для них сведения) и, наконец, свободная, почти задушевная беседа, в результате которой экскурсант получал не только нужную ему ласку и приветливое отношение, но и материал в форме легенд (записана со слов старика легенда о происхождении России), песен (записаны старые песни и современные), примет, поговорок и пр.

В одной деревне экскурсанты нашли архив. Нужно было видеть группу детей, роющихся в мусоре и сосредоточенно отыскивающих „старые“ документы (это были остатки архива б. волостного правления), чтобы заразиться их радостью, которая еще больше увеличилась, когда среди бумажного хлама (старые паспорта, вексельная бумага и т. п.) был найден черновик речи волостного писаря, произнесенной им в 1860 г. по поводу открытия школы в деревне. Здесь говорилось об отношении населения данной местности к нар. образованию и к пьянству (речь написана частично стихами). Эта радость юных путешественников—свое завоевание. Постепенно у членов отряда выработалось твердое убеждение, что следует обращать внимание на всякую встречающуюся в природе или быте населения подробность: все интересно, все должно быть обследовано—и лихая вора, и торфяное болото, и разрушенное здание обсерватории. Детский узор вышивки на фартуке девочки-финки и деталь крыльца старого дома, речь крестьянина и речь педагога (особенности говора), жужжание шмелей в поле и хороводы крестьянской молодежи, холмы покрытые рожью и гиднеющие вдали фабричные трубы Ленинграда—заставляют остановить на себе внимание, подумать, сделать вывод, наконец, просто сильно прочувствовать, пережить какую-то особую полноту впечатлений в противовес обычной бедности их, оставленной дома в 10—20 верстах.

Дети отряда не только получали знания, но они и жили бодро, радостно жили. Что это так, достаточно познаться с их дневниками...

«Мы подходим к ним (крестьянам, косившим траву), стараемся „заговорить“ с ними, но видя, что они неохотно отвечают на наши вопросы, опечаленные отходим от них»...

«Ах, какая прелесть кругом! Особенно приятно смотреть на жниц, которые виднеются вдаль в красных рубахах. Видя этот простор, забываешь все мирское, житейское, мелкое»...

Крестьяне приняли детей недружелюбно, опасаясь за участь своих огородов, и угрожали сурово расправиться с теми, кто вздумал бы близко подойти к огороду.

«Наше самолюбие было затронуто, и мы решили во что бы то ни стало заставить крестьян переменить о нас мнение».

Пошли шевелить сено. «Что это было за удовольствие! Пахнет так чудно! Природа благоухает».

И таких заметок, где ясно выражена эмоциональная сторона, не мало... Интересна и поучительна во многих отношениях, особенно в организационном, экскурсия-экспедиция на реку Узу, описанная В. Девятковым*). И здесь строгая организация, коллективная работа и ярко выраженные эмоции...

«Законы Архимеда, Ньютона и законы света мы усвоили лучше всякой книги... Солнце, воздух, свежесть жемчужно-голубой Узы, лентой обхватившей изумрудные косы лугов, серебристый перезвон голосов,—светлый, радостный май, наш веселый праздник. Праздник труда, знания и здорового смеха, крика, вольных движений»...

А какие бодрые и радостные воспоминания мы находим в «Барабане» о зимней Сенежской экспедиции... Приведу одну выдержку.

«Вечер.

Тра-та-та-та—резкий сигнал отдаленными отголосками рассыпался по оврагам. На партах каша, сваренная из снега.

*) «На путях к новой школе» №№ 7—8, 23 г.

Рецепт: вскипятить сначала небольшое количество снега, а затем кидать лопату за лопатой, иначе снег долго не тает и превращается в лед.

Обед... Все повеселели, звонкий смех рассыпался бисером. Даже вздрагивали пушистые ели. Грянула удалая песня, другая, третья... Сушили валенки, но не унывали, ибо знали, что такие валенки путешественникам, как Нансену, часто не было возможности сушить, нельзя было развести костра, и они сушили свои носки у себя на груди...

Один якобы отморозил руки—долго работал в юрте. Натерли снегом—прошло.

12 часов ночи... Эту ночь спали с перебоями, часто просыпались и спрашивали соседа:—«Замерз?» Но все обошлось благополучно... 25 марта. Утро... Умылись теплой водой из снега. Гимнастика, общая дружная свалка, Чай... Работы по лагерю, юрте; хворост. 12 ч. дня... Торжественное открытие лагеря. 5 ракет, всем частям света... Закладка газеты «Стынь стужа»^{*)}.

Новые программы ГУС'а в своей основе требуют именно такого рода исследовательских занятий.

„В сельских местностях, читаем мы там, идет ознакомление с различными хозяйствами, отличающимися друг от друга степенью организованности, техникой, способом обработки, количеством земли и рабочей силы (частные хозяйства, колхозы, совхозы), а также с фермами и конными заводами. Сравняется производительность отдельных хозяйств, значение в этом науки и техники. Дается понятие о плодосмене, о многополье, о значении раннего пара, при этом дети могут просить и записывать сведения о количестве живой рабочей силы (наемные рабочие, члены семьи, рабочий скот), инвентаря, высеваемого зерна, о количестве и роде применяемых удобрений, о различных культурах, о высоте урожайности и пр., составляя из этих данных простые диаграммы и учась разбираться в первоначальной статистике.

^{*)} Волфед. Из дневника зимней Сенежской экспедиции. «Барабан» № 1, 23 г. 25 стр.

В городах такие экскурсии с собиранием статистических сведений совершаются в ремесленные заведения, на фабрики и заводы, в типографию, на почту и телеграф, знакомятся с деятельностью профсоюза, месткома, комячейки, районного совета (в деревнях—с волсоветом и сельсоветом). И город и деревня изучают места и способы обмена в лавках, кооперативах, на базарах, ярмарках и т. п., знакомятся с различными путями и средствами сообщения, с санитарными мероприятиями, с учреждениями по благоустройству, с культурными учреждениями (библиотеки, музеи) и т. д. Каждая такая экскурсия требует тщательной предварительной организации с участием детей и серьезной последующей проработкой при помощи бесед, записей, диаграмм, рисунков, моделирования^{*)}.

И работа в самих классах и школе значительно видоизменяется. Вот яркий пример нового подхода к школьной работе.

„4 группа 1 ст. решила вытащить парты: они занимали много места и мешали работать. Через всю длину комнаты протянулся стол. Около окон стояли маленькие столики. На столиках и на окнах аквариумы, инсектариумы, банки с живыми обитателями, плоски различных растений. У другой стены приставлены передней частью парты без спинок. На партах разложены книги на тему работ группы. В углу стоит короб с разноцветными бумажными обрезками, принесенными из типографии. На длинных и узких столах стоят клеянки, разложены картонажные инструменты. В стороне два верстака, шкаф с инструментами. Комната очень большая. Ранняя весна. Я прихожу в класс первым. Начинают собираться ученики. Каждый подходит к длинному столу и на свое место кладет тетради, карандаш (место и на столе, и на скамье нумерованное) и сейчас же принимается за работу: один подправляет расправленных насекомых, другой перекладывает в новую бумагу положенные сушиться растения, третий кормит рыбок, лягушек, ящериц, четвертый роется в книге и что-то вписывает себе в тетрадь, пятый записывает свои

*) Новые программы для единой труд. школы, вып. 1 стр. 67.

впечатления в групповой дневник. Один разводит клей. Пришел редактор классного журнала и совещается с группой относительно выпуска журнала. Каждого приходящего уже ждет дело, каждый занят и каждый знает, что ему делать. Всего 27 учеников, но работа не у всех одинаковая. Сегодня мы разбиваемся на три группы по 9 человек, идем на 2 часа на работу. Одна группа идет в поле за сорными полевыми растениями. Их нужно собрать, определить, расположить по семействам, пребыванию среди тех или других культурных растений. Вторая группа идет выкапывать картофель в школьном саду. Третья группа — окапывать яблони.

С последней группой иду и я.

НОТ в школе.

Дети хватаются за инструменты: лопаты, мотыги. Начинается лихорадочная работа. Масса бесцельных движений, ненужная вредная быстрота. Разгорелись лица, а сделано все-таки мало и сделано плохо. Через 5 минут один бросает лопату и садится на траву — устал. За ним другой, третий. Через 8 минут все побросали работу. Начинаем разговаривать, почему взрослые работают долго и не так устают. Выбираем инструмент, которым будем работать, — лопату. Решаем, как будем ее держать. Уговариваемся в три приема поднимать пласт: 1) нажимаем ногой лопату, 2) поднимаем пласт, 3) переворачивая, кладем. Разделяемся на две группы: одна работает, другая отдыхает. Сначала работаем медленно под редкую команду, потом также редко без команды.

Через 10 минут один из отдыхающих кричит: „Кончай!“ Идет вторая группа. „Еще, еще: мы не устали!“, — кричат работающие. Объясняю, что уставать и не нужно. Через час мы окончили свое дело. „Смотрите, сколько сделали и не устали,“ — говорят ученики, направляясь в школу. Дорогой идет разговор о том, как копать картофель, „уговорились“ ли те, которые пошли копать? Как будем копать мы завтра?

— Да с ними уже ходил (ученик называет меня), показывал, они знают.

Работа в мастерской-классе.

Возвращаемся почти одновременно и, признаться, с большим шумом. Пришедшие с картофельного поля притащили огромные картофелины, несколько медведок и жуков-носорогов. Набрали в банку дождевых червей—кормить наших ящериц.

Ученики делятся впечатлениями, расспрашивают кто что принес. На это уходит минут 15. Наконец, все уже на своих местах. Сначала докладывает старший из „картофельной“ группы: как копали, сколько накопили картошки, как вешали. Справляемся в дневнике, сколько посадили весной, начинаем высчитывать урожай, определяем его в процентах, делаем предположительный подсчет для всей нашей площади. Переходим к крестьянскому хозяйству. Вычисляем урожай крестьянина. Берем рыночные цены, высчитываем стоимость и т. д. Весело и бойко идет работа. Учащиеся не замечают, как они приобретают новые навыки из арифметики, знакомятся с сельским хозяйством, местным рынком и проч.

— „Теперь мы, мы!“ — кричит группа, собиравшая растения. Но уже пора отдыхать. Быстро укладываем растения сушиться и собираемся домой. На завтра будем продолжать нашу работу, распределенную у нас на неделю“.*) Из этих примеров видно, что выход детей из школы в жизнь за получением знаний дает несомненно богатые результаты и связан с радостными переживаниями детей. Дети приобретают новый опыт не только в классе от учителя из учебников, но и от разных лиц, учреждений, в самой жизни. И чем больше школа выявит способности и силы детей, чем больше она даст возможности всесторонне жить детям, тем больше эти занятия по приобретению нового опыта будут связаны как с окружающей жизнью, так и с текущей жизнью детей. Мы должны совершать экскурсии на фабрики, в мастерские, на рынки не потому, что это требуется программой, а потому, что наша школьная жизнь заставляет нас это сделать, что без этих обследований наш опыт будет односторонен, что мы не сможем решить тех или других наших вопросов, возникших в повседневной нашей жизни.

*) В. Марков. Из практики школьного строительства. На путях к новой школе № 1, 1924 г.

Приведу несколько примеров, чтобы наглядно показать, как приобретаем мы новые знания оторванно от детских интересов и детской жизни и как приобретение этих же знаний мы можем связать с запросами сегодняшнего дня. Будем иметь в виду массовую школу и требования новых программ.

В новых программах педагог читает: „Экскурсия в культурное учреждение — библиотека, театр, разные виды школ, музей и т. п. (для 2-ой гр. 1 ст. в связи с выяснением вопроса о городе, как культурном центре). Педагог намечает себе ряд экскурсий и в определенный день отправляется с детьми, допустим, в библиотеку. Там дети знакомятся с работой, расспрашивают, выясняют ряд вопросов. Библиотекарь рассказывает о своей работе, о системе выдачи книг, о читателях, может быть, даже наставление сделает детям, как нужно обращаться с книгами, как нужно их читать и т. д.

Мало ли можно рассказать о работе и значении библиотек, о жизни книг. Дети выслушают, запишут ряд фактов, ряд чисел. Придут домой, напишут небольшие сочинения о виденном и слышанном, может быть даже более смысленные и таблицы нарисуют, зарисуют ряд сенок, вывешат лучшие работы на стене. И затем с спокойной совестью перейдут к следующему вопросу.

Все сделано: дети наблюдали явления на месте, слушали, расспрашивали, зарисовывали, решали задачи, рассказывали и т. п. Но не было самого главного: связи с детской жизнью... Вот если дети 2 гр. попытаются устроить свою библиотеку на кооперативных или каких-нибудь других началах, тогда эти занятия облекутся плотью и кровью, станут жизненными. Открыть библиотеку — это как-то собрать книги, как-то хранить их, выработать правила выдачи, обмена книг, как-то вести каталог книг, как-то классифицировать книги. Вот эти думки о своей библиотеке заставят детей пустить в ход весь свой накопившийся опыт по данному вопросу, а также заставят искать новых сведений:

Вот тогда они с библиотекарем будут говорить не „вообще“, а серьезно по тем вопросам, которые их волнуют, которые требуют немедленного разрешения.

Вот тогда им придется самим говорить: «Ребята, отен мой дал книги в нашу библиотеку, но сказал, чтобы они были целы и в порядке, не рвите их». Вот тут уже советы библиотекаря, пожалуй, будут излишни, потому что я не захочу, чтобы мою книгу, которую я получил для кооперативной библиотеки на тех или других условиях, рвали, пачкали, трепали. Сама жизнь создаст правила, как нужно обращаться с книгой. Тогда-то дети, пойдя в другую библиотеку, невольно будут сравнивать работу своей библиотеки с работой других. А если придется для пополнения своей библиотечки брать книги на время из других библиотек, путем коллективной записи, будет живая, непосредственная связь с большими библиотеками... В первом случае дети познакомились с библиотекой, проделали ряд работ и тем ограничились. Во втором случае дети знакомы тоже с библиотекой, но для определенной жизненной цели, установили с ней непосредственную постоянную связь, приобретенный новый опыт претворили в дело.

Другой пример. «Культурная помощь города деревне», читаем мы в программах «Шефство города над деревней». Если мы подойдем к разрешению этого вопроса академически, т. е. проведем ряд бесед по данному вопросу, конечно, результат будет совершенно иной, нежели, если мы воспользуемся тем или другим предлогом (неожиданная встреча с деревенским знакомым, письмо из деревни, какое-нибудь газетное сообщение и т. д.) и завяжем реальную связь с деревней, особенно с деревенской школой. Так было, например, в 1-ой оп. Лесной школе Наркомздрава. Педагог данной школы уезжал в деревню на две недели в Тамб. губ. Дети были заинтересованы, куда он едет и что он там будет делать. И когда они узнали, что он едет в деревню к своим родителям, что у него там сестра учительница, что он побывает в школе и поглядит, как живут школьники деревенские (при чем педагог прочитал им выдержки из письма сестры, рисующие бедность школьной обстановки, отсутствие книг, писчебумажных принадлежностей), дети решили послать деревенским школьникам подарок. Собрали книги, бумагу, звездочки и бенгальский

огонь, оставшиеся от елки на открытом воздухе, и передали вместе с сопроводительным письмом педагогу. Деревенские дети были так рады подарку „из Москвы“, что в течение многих дней только и говорили об этом подарке по всей деревне. А когда на школьном празднике зажгли звездочки и бенгальский огонь, они заговорили о перьях жар-птицы. Деревенские школьники послали детям Лесной школы письма с благодарностью и с описанием того, как они живут, в чем нуждаются, как они устраивали праздник и как они видели перья жар-птицы. Хотели было послать семечек тыквенных, но педагог не имел возможности их взять. Чтение этих писем в Лесной школе вызвало такой бурный восторг, радость, такой душевный подъем, что в тот же вечер детьми были собраны книги, карандаши, краски, бумага, почтовые конверты; написаны были письма к „дорогим, далеким друзьям“, нарисованы рисунки на темы „из жизни детей в Лесной школе (один мальчик, обычно небрежно относившийся к занятиям, заполнил целую тетрадь письмом, рисунками) и собраны были деньги на почтовые расходы. Через три недели деревенские школьники прислали целую пачку писем с характерными для деревни стихами в начале письма, а также рисунки исполненные на материале, присланном московскими детьми. Радость детей Лесной школы была необычайная. Рисунки ходили из рук в руки, при чем дети удивлялись, как это они, не учась рисовать, так хорошо рисуют. Особенно детям нравились стихи писем и обращение к «дорогим, милым друзьям». Рады были и тому, что учительница деревенских школьников стала заниматься с последними в лесу («мы занимаемся теперь в лесу, как в Москве»). Дети Лесной школы собрали вновь большую посылку, еще больше прежнего написали писем, при чем то и дело спрашивались у педагогов, как писать то или другое слово: «не хотелось ударить лицом в грязь». Новые письма адресовали уже к отдельным школьникам и, так как не надеялись уже более переписываться с ними через школу, потому что сами выбывали из последней, да и деревенские друзья их прекращали занятия, то сообщили свои городские адреса... Как видим реальная связь одних детей с другими

дала радостные переживания и московским детям и деревенским, расширила их опыт, особенно деревенских, отразилась на их жизни.

В „Известиях“ (№ 56) за 7 марта 1924 г. приводится интересный пример смычки московской Кремлевской школы с деревенской школой. Кремлевская школа давала Повелецкой школе инструкции, писала письма, запросила к себе 10 повелецких ребят с 3 руководителями. Пребывание деревенских детей в Москве было большим событием не только в жизни детей, но и всей деревни. «Помимо книг, бумаги, писем Кремлевская школа на днях совместно с деревенскими подшефниками организует в с. Повелецком школьную конференцию, на которую посылает несколько учителей и школьников».

Хочется сказать тоже несколько слов и о школьных выставках и их роли. Обычно выставки устраиваются в виде отчетных в тот момент, когда работа уже завершена. А между тем выставки могут быть ценны и полезны, как побудители к работе, если мы их сможем связать с обычной работой детей и сделать их необходимым элементом текущих занятий. Поясню. Мы изучаем какой-нибудь вопрос, хотя бы вопрос о кооперации, изучаем потому, что мы создаем свой кооператив и нам нужно знать, как это лучше всего и правильной сделать. У каждого есть своя задача. Ведутся наблюдения в городе, дети расспрашивают о кооперативах у родителей, у знакомых, у сведущих лиц; некоторым задания: обратиться прямо к кооператорам за справками и т. д. Есть центр, который руководит всей работой группы. В этот центр стекаются всевозможные работы от разных детей: образцы уставов, книг, записей, таблицы цен, виды кооперации, отзывы разных лиц о кооперации (видных общественных деятелей и простых смертных, которые только поругивают кооперативы) описания работы других детских кооперативов, отчеты о переговорах с разными лицами и учреждениями о закупке нужных товаров и т. п. Центр просматривает все эти работы, выясняет их ценность и результаты; солидные работы выставляет для общего просмотра; необоснованные и наспех выполненные работы передает для дальнейших наблю-

дений, обработки, исправлений и т. д. А потом подводятся итоги, заслушиваются отчеты, сообщения. Дети с повышенным интересом заслушивают все это, так как сырые материалы они уже знают по выставке и по поводу их много говорили и спорили. Такая выставка, растущая на глазах детей, побуждающая их свою работу выполнить с немалым успехом, дающая толчок, а часто и направляющая работу детей, такая выставка может играть значительную роль в занятиях детей, в приобретении ими нового опыта... Полагаю, что подобных примеров, где бы занятия, связанные с приобретением новых знаний, нового опыта, вытекали из непосредственной жизни детей, их интересов, каждая школа в своей практике может найти немало, и, может быть, более ярких и более выразительных.

Мне бы хотелось еще указать на книгу Васкенселоса „Новая школа в Бельгии“, где имеются примеры таких занятий, а также в нескольких словах на работу внешкольного учреждения в г. Симферополе „Дом будущих граждан“. Руководители последнего учреждения очень часто пользовались именно такой системой: всю работу строить на интересах детей и на запросах дня. Нужно порадовать любимого руководителя и зафиксировать большую созидательную работу в „Доме“, дети выпускают первый номер газетки и с этого дня каждый день в течение 6 месяцев газетка (рукописная) появляется на стене и привлекает читателей. Газетка эта не только отражала жизнь детей „Дома“, но главное в своих передовицах ставила определенные задачи для членов „Дома“, для их деятельности, выясняла сущность постановлений общих собраний, совета старост, разных комиссий, боролась со всякими недостатками и вредными наклонностями членов, указывала новые пути поведения и деятельности. Это жизненное содержание газетки дало возможность просуществовать ей 6 месяцев (вплоть до разгона „Дома“ врангелевцами). Влияние газетки было очень значительно.

Столярная мастерская с большим подъемом и рвением строит свой театр во дворе „Дома“. Театралы для своего театра познакомились со всеми техническими приспособле-

ниями в больших театрах. Мальчик, которому нужно было играть роль прокаженного в пьесе „Дитя—звезда“, отправляется к собору и там изучает свою роль. Вот как он описывает сам этот момент: „Подшел к собору. Там идет служба, всеобщая. И вдруг, о радость, на паперти стоят нищие. Я чуть не подпрыгнул от радости. Но вот беда: неловко же стать перед ними и есть их глазами. И тут меня осенила мысль: сделаю вид, будто кого поджидаю. Так и сделал. Сел на перила с самым беспечным видом, болтаю ногами, а уши и гляделки наострил. Всмотрел себе старикашку и глаз с него не спускаю. Вот идет какая-то пара. Закивали мои соседи головами, зашамкали их беззубые рты. Я впился в старикашку глазами. Он весь с’ежился, подобрал еще плотнее под себя ноги, вытянул вперед руку с шапкой, произнес дрожащим старческим голосом: „Подайте, Христа ради, пожалейте убогого!“

Пара прошла, не обратив на старика внимание. Они были молоды, счастливы и полны любви. Им были непонятны убожество, слабость.

Старик безнадежно опустил руку, еще больше осунулся и с’ежился. Я решил, что на сегодня довольно и пошел домой“.

Когда детям „Дома“ нужно было организовать свой кооператив, то для составления устава они обращались к разным лицам, на свои организационные собрания приглашали инструктора кооперации, организовали специальную библиотеку кооперативную, а потом трое юных кооператоров поступило на кооперативные курсы*).

Из этих, может быть, и не совсем ярких примеров школьной практики все-таки, я думаю, ясна та мысль, что приобретение нового опыта не было оторванным от детской жизни, не было обычным типом школьных занятий во имя будущего, к тому же далекого будущего, а что сама детская жизнь побуждала детей обращаться к неисчерпаемым источникам знания и опыта великой учительницы—жизни. Нужно постараться сделать так, чтобы мы не только познакомились с

*) Рукописные материалы «Дома будущих граждан».

кооперативами, библиотеками, сельсоветами, местками, профсоюзам и т. д., но завязали с ними реальные отношения, чтобы на опыте убедились в значении их. Вот когда нам самим по делам учреждения придется сходить и в ОНО, и в районный совет, в кооператив, на фабрику, когда самим придется столкнуться с целым рядом лиц для получения справок, разрешений, необходимых сведений для составления уставов, ведения отчетности, когда мы затем на собраниях заслушаем сообщения о работе, проделанной тем или другим членом нашего коллектива, тогда мы не только познакомимся „вообще“ с данными учреждениями, но поймем их жизненную роль, их связь с нами, школьниками, поймем значение секретарей, управделами, заведующих, печати учреждения, регистратуры и т. д.

Будем „прикасаться к земле“ и в ней брать силы, коллективный опыт для устройства своей жизни.

„Прикоснувшись к земле“, мы будем совершенствовать свою жизнь на основе нового опыта. Не будем, как скупец, прятать полученные знания, а претворим их в дело.

Выявление в жизни нового опыта.

Выявление в жизни нового опыта — третий и очень важный момент в работе с детьми, момент, который не признавала старая школа, да и теперь еще мало считается с ним. А между тем, как раз здесь — огромные возможности: через детей, прикоснувшихся к источникам истинного знания, понести это знание в глухие уголки страны, привить новые навыки и привычки миллионам людей. Мы обыкновенно мало обращаем внимания на самостоятельные игры детей, а между тем, исходя из них, мы можем развернуть с детьми интереснейшую работу, потому что дать им новый опыт для их игры, это, большей частью, значит изменить их игру и направить ее по новому пути; при чем интерес к ней несколько не уменьшается у детей, а, наоборот, увеличивается. Вот, напр., простейший образец

подобной работы. Мальчики заняты постройками из песка, кирпичей, веток, травы; соорудили они небольшой домик, возле него устроили из веток садик, провели канавки, огородили постройки стеной из кирпича. Несколько дней они возились так; никто не обращал на них внимания. Но вот раз я увидел картину: к детям подошел посторонний им педагог и разговорился с ними. Дети были, повидимому, увлечены беседой. Педагог не раз наклонялся, что-то переставлял, показывал; дети взялись вновь за работу, потом опять слушали, расспрашивали. Когда на другой день я взглянул на постройки, они были неузнаваемы: сад был распланирован, архитектура дома значительно изменилась к лучшему, через каналы были переброшены мосты, был устроен бассейн и т. д. Через день они пытались соорудить водопровод. Оказалось, беседа с педагогом так захватила их, что они немедленно решили провести в жизнь то, что он им рассказывал о диковинных сооружениях человека... Педагог совершенно правильно подошел к детям: их личный опыт, выявленный в постройках, он расширил своими рассказами, и дети, радостно восприняв его слова, немедленно выявили новый опыт.

Или тоже простой, но интересный пример из практики 1-ой оп. Лесной школы Наркомздрава. Мальши (8—9 л.) нашли как-то в шкафу остатки детского театра. Трое из них М. Д. и Ш. решили сделать театр. На солнечной веранде, а потом под елкой, на траве и где только возможно маленькие артисты устраивали свои театрики из кирпичей, старых рисунков, лоскутов материи, всевозможных бумажек*). Раздавали билеты на представление—какие-то бумажки. Публики показывали просто какую-нибудь картинку. Вот и все.

Но вот к этим трем присоединяется четвертый Г. Дело расширяется. Теперь уже публике показывают целые сценки, при чем Г. является и в роли автора, и сценариста, и постановщика, и артиста. Вот как описывается одно из этих представлений в детской газетке. „Театр из тех же десяти

*) Надписи на театре: «театр кинатограф»; объявление на двери возле театра. «Вовремя спектакля не уходить и неразговорив и не сорит строго запрещается.»

кирпичей и занавеса"... Сперва раздался крик: „Кто хочет смотреть театр? — Я, я! — закричало несколько голосов. Так как театр был очень маленьким, то зрителям пришлось сесть на траву. Г. спрятался за елку, занавес поднялся. На сцене стоял стол, а около него сидел король. Вдали стоял замок короля. Все это было сделано из бумаги. А вскоре из-под ели раздался замогильный голос Г.: „Я еду сейчас в свой замок, который через море“. Это говорил король—Г. После этих слов занавес опустился. Г. вышел из-за елки и пошел за декорацией для второго действия. Через некоторое время он пришел из школы, неся какие-то дощечки и свою синюю комбинацию. Подойдя к театру, он начал в нем что-то устраивать. А чтобы зрителям не было видно, что он там делает, он закричал: „Закройте глаза! Ну закройте же глаза!“ А., М. и Д. своими телами заслонили театр от взоров публики. Наконец раздался звонок. Г. залез опять под елку, и занавес поднялся. На сцене было море из комбинаций Г., из дощечек—плот. На плоту ехал король. А из-под ели—опять замогильный голос: „Я еду, я близко от своего города. Там я возьму свой полк и возвращусь на родину“. Занавес опустился, и зрителей попросили разойтись на 15 минут, а кто не уходил, того заставляли закрывать глаза. Г. устраивал сцену. А когда занавес снова поднялся, то зрители увидели на сцене кучу песка и воткнутые в песок ветки. А голос Г. говорил из-под ели: „Вот я в своем великолепном саду, да, я в своем великолепном саду!“ Четвертого действия не было, так как не оказалось декораций.

Когда же дети побывали в госуд. театре для детей, кирпичи были заброшены; наперекор правилам Лесной школы артисты перебрались в помещение и там в одной из комнат начали устраивать представления. Но теперь уже на сцене были не бумажные фигуры, а сам Г. и его приятели М. и Д.; костюмы были из одеял, лица были страшно измазаны. Говорил теперь не один Г., а все артисты. Заканчивалось обычно дело тем, что зрители постепенно переходили в лагерь артистов, мазали себе лица и присоединялись к игравшим.

Игра редко доводилась до желанного конца. Новые артисты из зрителей направляли игру по другому пути.

Скоро Г., а также М. и Д. выписались из школы. Перед уходом из школы они уже было обратились к сказкам, чтобы их разыгрывать. Но сделать им это не удалось.

В этом примере мы видим, как постепенно усложнялась детская игра в театр под влиянием нового опыта. Этот новый опыт дал детям Г., а потом госуд. театр для детей, а к сказкам дети обратились под влиянием спектакля, прошедшего в школе.

Приведенные примеры—самые простые примеры выявления детьми нового опыта, под влиянием которого они усложняют и улучшают самостоятельные игры и занятия.

Но за последние годы мы имеем факты и иного рода: дети начинают выявлять вновь приобретенный в школе и через школу опыт, хорошие навыки в окружающей среде и делать это сознательно. Они начинают быть проводниками достижений науки среди некультурного общества. Значит, мало того, что они сами выявляют в жизни новый лучший опыт, но знакомят с ним малокультурное население, привлекают его к организации жизни на новых началах, помогают людям науки проводить мероприятия, направленные на улучшение жизни населения.

Разве не интересны результаты школ опытной станции, о которых говорит в своей статье Шацкий. „Во втором номере журнала (На путях к новой школе) я говорил о разработке программы по самосохранению (гигиене) детей в деревенской школе. Теперь я могу поделиться и результатами применения ее к реальной работе школы. Около тысячи детей волости стали регулярно мыть руки, голову, стричься, приходить в школу в чистой одежде, заштопанной и зашитой; школьные помещения стали чистыми, нарядными, постоянно проветриваются, выметаются влажными метелками; в иных школах даже в классе входят в чистых лаптях, оставляя обувь в сенях; дети не боятся свежего воздуха, играют в перерывах на дворе, не кутаются; с большой охотой подвергаются организованному контролю школы в

личной гигиене; в ряде школ введен забавный способ контролировать учителя, каким он сам пришел в школу. Появился большой запрос в старших группах на беседы и занятия с врачом. Но этого мало: главное—школа в этой работе была безусловно признана населением; она получила право контроля за выполнением школьных обычаев дома, в семье. Если представить себе, что, быть может, за все время существования деревни в ней первый раз началось новое дело, столкнувшееся с укоренившимися навыками, предрассудками, суевериями, колдунами и бабками, которые „не по ученому, а все знают“, то заранее можно было сказать, что наша задача была невыполнима. А она была решена, и теперь все дело только за тем, чтобы поддержать на известной высоте достигнутые завоевания“.

Большую роль в распространении хороших гигиенических навыков играют Лесные и санаторные школы. В книжке Ралина и Майзеля „Лесная школа“ приводится пример, как маленький Женя спас себя и отца с матерью от смерти. Женя, сын больных чахоткой родителей, попал в Лесную школу, узнал на самом себе, как полезно пользоваться чистым воздухом и солнцем, и посоветовал делать это своим родителям. „Послушались мать с отцом и стали совсем другими людьми. Тяжелые дни осени и зимы в холодной квартире они пережили легко. Почти не замечали холода и не захворали испанкой, которая косила всех вокруг них. Так приучили себя холодными обтираниями и спаньем с открытыми окнами к холоду, что совсем его не боялись. И организм закалился и стал стальным и здоровым. Скоро перестали кашлять, а к следующему лету доктор сказал отцу и матери, что Женя вымечил их от смертельной болезни—туберкулеза легких (чахотки). А не попади Женя в Лесную школу, так и умерли бы мать с отцом от чахотки. А вслед за ними умер бы и он сам“.

В книге проф. Джона Дюи и Эв. Дюи „Школы будущего“ мы находим целый ряд примеров из практики американских школ, как дети, получив новый опыт, несут его к людям малокультурным, а также выявляют его в общественной работе.

Так, в Чикаго в одной школе „все ученики“, начиная с пятого класса, организованы в гражданские клубы. Школьники разделили школьный район на участки. Каждый клуб брал на себя один участок, изготовлял топографические карты и планы, вел счет улицам, фонарям, мусорным ящикам, составлял списки уличной стражи или, в связи с нуждами своего участка, детально разрабатывал какой-нибудь один вопрос. Потом клубы решили, что нужно сделать для того или иного участка: одни занялись чисткой грязных улиц, другие повели кампанию за лучшее освещение улиц и т. п. Дети пользовались теми же методами, что и клубы взрослых: писали письма в соответствующие отделы городского управления, ходили для переговоров в Думу, а кроме того и сами работали, напр., чистили грязные переулочки. Работа велась с большим интересом и подъемом. Теперь клубы начали новую кампанию: добиваются устройства школьной площадки для игр, выпускают воззвания, организуют по соседству собрания^{*)}.

В другой школе „энергия детей, их забота о садиках, заразила всех кругом,—принялись разбивать садки, где только попадался незастроенный клочок земли. Район здесь бедный, и новые сады и огороды оказывают населению и прямую материальную поддержку“^{**}).

В школах города Гари дети „приняли участие в борьбе с фальсификацией молока: дети приносили пробы молока из дома, исследовали молоко в лаборатории и вынуждали родителей принимать меры, если молоко оказывалось с примесями. Школа ведет работу по охране от заражения через мух. В деле охраны здоровья дети не только участвуют в общей работе общества, но часто являются пионерами и распространителями новых идей; они также помогают комитету здоровья, борясь с боязнью врачей среди населения, состоящего из иностранцев. Когда между детьми и городскими врачами устанавливается тесная связь и понимание, нетрудно уже

*) Д. и Э. Дюн. Школы будущего стр. 52.

***) Там же стр. 59.

осуществлять и самое лечение. Дети знают зачем нужно то или иное и уже озаботятся, чтобы мера была проведена в жизнь без помехи“^{*)}).

В школах же Гари „время от времени час общего или классного собрания в зале отводится демонстрации планов и карт района, выяснению хороших и плохих сторон в участке, удобства и неудобства отдельных домов. Дети обычно передают эти сведения родителям, и нередко разбор квартирной платы или устройства домов на школьном собрании побуждает родителей принять меры по улучшению своих жилищных условий. Родители могут приходить в школу за справками, и не раз бывало, что недавно прибывшие семьи пользовались советом школы и перебирались из перенаселенного и негигиеничного участка куда-нибудь в лучшее место, где устраивались за те же деньги. Потому, что эта работа помощи ведется регулярно, как часть школьной программы, она рассматривается и родителями и детьми, как нечто само собой разумеющееся. Родителям вылаются справки о санитарных условиях и улучшениях, о размерах и устройстве квартир, о квартирной плате. Если дом, где живет семья, неудобен, находится лучшее помещение по соседству. Школа не только учит теории в области лучших социальных условий, но и сводит детей с реальными фактами, так что они ясно видят, что плохо и как можно дело исправить“^{**)}).

Эти примеры американских школ для нас поучительны. Наши школы в настоящий момент находятся в полосе увлечения обследовательской работой. Затрачивается масса энергии, сил, бумаги, времени. Все эти материалы, добытые путем напряженной работы, преспокойно поступают в школьный музей, иногда предварительно побывав на выставке. А самого главного нет. Всегда ли делаются выводы, что нужно сделать, чтобы изменить тяжелые безотрадные условия, в которых приходится еще жить рабочему, крестьянину и деревенским детям? Всегда ли делаются попытки притти на

*) Д. и Э. Дюн. Школы будущего, стр. 105.

**) Д. и Э. Дюн. Школы будущего, стр. 113

помощь населению, устранить те или другие недостатки. Получается тяжелая картина: мы обследовали деревню, уяснили многое в жизни крестьянина, узнали о большом количестве безграмотных, об отсутствии гигиенических знаний и навыков, об отсутствии садов и т. д. Что же мы хоть что-нибудь сделали для улучшения жизни населения? Выучили хоть одного безграмотного? Рассказали ли о простейших правилах гигиены? Повели борьбу с предрассудками и суевериями? Было ли у нас не только обследование, но и живое дело?

В журналах и газетах мелькают иногда сообщения о подобных попытках. Но редко. А выставки школьные почти молчат об этой работе. Скоро ли на детских выставках мы увидим не только результаты академической работы детей, но и результаты живой общественной работы? Скоро ли, наконец, и это громаднейшее наше богатство, живое богатство — юные деятели и строители найдут жизненное применение своих сил в общественной работе?...

Мы наметим в общих чертах те основные пути, по которым пойдет работа педагога и детей в новой школе... Мы, таким образом, порываем с неподвижными классными занятиями, с словесным обучением, с многочасовой и, большей частью, молчаливой работой в теперешних лабораториях. Оставляем в силе тот метод, которым ребенок приобретает знание о мире в родной семье, вне школы, которым и мы взрослые ежедневно пополняем свой опыт, — метод личных наблюдений, расспросов у разных лиц, чтения книг, разнообразной деятельности по выявлению опыта и его накоплению.

При этом методе дети получают нужные для жизни знания на месте изучаемых явлений, идут в жизнь и там учатся, там в естественной среде набираются знаний о мире, там впитывают в себя многообразие впечатлений; полученные сведения и материалы обрабатывают, а также делятся с другими своими приобретенными знаниями, своим новым опытом и выявляют его в жизни в той или другой форме.

При таком методе работы мы будем видеть детей, работающих, большей частью, не в классе с учителем, а в уголке

живой природы, в школьных лабораториях, библиотеке, кооперативе, мастерских, в саду, огороде, поле, лесу, деревне, совхозе, на фабрике, работающих часто в одиночку или отдельными группами, детей наблюдающих, записывающих, зарисовывающих, собирающих вещественные материалы, советующихся, обсуждающих на собраниях, в комиссиях вопросы жизни и т. д.

При таком методе классом будет весь окружающий нас район, а может быть, при дальних поездках и более отдаленные места.

Нашим учителем будет вся окружающая жизнь с полями, садами, огородами, мастерскими, музеями, выставками, докладами, сельскими сходами и т. д., а также и с людьми, работающими там Рабочий, крестьянин, агроном, садовод, инженер, ученый и т. д.— вот кто будет давать нам правильные ответы на наши вопросы.

Школьное помещение с классами и теперешними лабораториями не будет уже являться единственным местом, а школьный учитель—единственным источником получения знаний. Роль классов теперь—служить, да и то не всегда, местом для детских групповых собраний, заслушивания сообщений, докладов; для бесед, составления и разработки организационного плана занятий и т. д., роль лабораторий, как и уголков живой природы—служить одним из многих источников знания, где можно проверять свои наблюдения, производить необходимые исследования, эксперименты при помощи тех инструментов, материалов и пособий, которые там имеются.

Обычных расписаний уроков при такой системе быть не может. Будет план занятий, составленный применительно к той цели, к тем задачам, которые мы поставили себе в тот или иной момент нашей работы и которые диктует нам наша жизнь.

При такой системе занятий мы, наконец то, выведем детей из душных, пыльных классов, дадим возможность детям пользоваться свежим воздухом, много двигаться и в естественной форме упражнять свой организм и приспособлять его для разнородной деятельности.

При такой системе занятий мы опять введем детей, этих маленьких дикарей, в природу, но не с тем, конечно, чтобы жить примитивно, как дикарь, кочевник, но с тем, чтобы познать силы природы, чтобы лицом к лицу встретиться и с грозными, стихийными проявлениями ее и тихими, ласкающими. Ведь детям придется не раз проводить ночи в палатках, в степи, в лесу, жить под открытым небом. 24 часа в сутки дышать свежим воздухом, 24 часа — учиться, играть, отдыхать, спать среди природы, упиваться свежестью росистого утра, прохладой вечера, любоваться восходами и закатами солнца, простором голубых небес и ночного звездного шатра. Дети будут близко соприкасаться с миром растений и животных, жить одной жизнью, вслушиваться в их голоса. Близко подойдут они и к людям. С малых лет они будут познавать мир лицом к лицу, но не как пассивные наблюдатели, а как активные деятели, пришедшие в мир, чтобы жить и действовать. И тогда не так остро будет стоять вопрос о физическом развитии детей. Вся их жизнь, полная движения, разносторонней деятельности, будет способствовать развитию организма. Может быть, не придется прибегать к специальным упражнениям...).

Такого рода занятия я называю подвижными.

Н а в ы к и.

А как же будет обстоять дело с навыками при такой системе занятий? Когда же дети будут учиться читать, писать, считать и т. д.?

На этот вопрос новые программы отвечают так: „Уделив главное внимание материалу, научно-педагогическая секция стремилась подчеркнуть ту идею, что так называемые навыки и приобретение их по возможности не должны вливаться в

*) Мы все же считаем, что вопрос о физическом развитии имеет большое значение, т. е. физкультура под соответствующим контролем и при надлежащей дозировке не может покрываться несистематизированными и не предусматриваемыми подвижными занятиями.

отдельные часы и превратиться в форму каких-то уроков или упражнений, а что эти навыки должны приобретаться в процессе переработки данного материала“ *).

Что переработка накопленного материала содействует развитию навыков, это будет вполне ясно каждому, если он представит, какую громадную работу придется проделать детям при выполнении того или иного задания.

Ведь и выявление прежнего и нового опыта и накопление опыта связаны с большой работой. Материалы нужно приводить в порядок, подсчитывать, описывать, классифицировать, нужно составлять отчеты, доклады, уметь защищать свои положения, составлять диаграммы, наглядные таблицы, справляться о недоуменном в книжках (будут ли то учебники, справочники, руководства, монографии и т. п.).

Работа большая, в естественной форме упражняющая детей в чтении, письме, счете. Такая работа заставит детей аккуратно относиться к делу, правильно и точно разрешать вопросы, задачи, потому что товарищи всегда укажут докладчику на его промахи, недочеты, ошибки.

В такого рода работе много стимулов для деятельности: тут и желание разрешить задачу, преодолеть трудности, тут и оценка товарищей, тут и ответственность перед другими товарищами, когда работа выполняется коллективно, а потом и требование — дать другим, раз от них что-либо получаешь (будут ли то товарищи или те же крестьяне, у которых хочешь получить разные сведения). Ведь недаром „Отряд искателей“ устраивает спектакль: нужно было доказать крестьянам, что к ним вошла не хулиганствующая ватага школьников, а культурная группа юношей, воодушевленная желанием оказать крестьянину посильную бескорыстную помощь“.

И именно в такие минуты обычно хочется многое знать, чтобы многое дать другим.

Такие минуты и заставляют часто напряженнее учиться и работать, часто побуждают взяться за изучение таких предметов и вопросов, с которыми до этого времени не имел дела.

*) Новые программы для единой труд. школы вып. 1. стр. 13.

Написать прошение, прочитать книгу, газету, растолковать прочитанное, познакомить крестьян с машинами и т. д. — для всего этого нужно умение, хорошие навыки.

Но, конечно, едва ли можно ограничиться занятиями, связанными с процессом переработки материала, для приобретения навыков.

Каждый педагог знает, как трудно многим детям дается грамотное письмо, беглое чтение, правильный и быстрый счет и т. п. Для многих детей особые упражнения прямо необходимы. И бояться этого, конечно, нечего. Ведь вся почти детская жизнь состоит из разного рода упражнений; ведь этим путем ребенок приучает свой организм верно и безошибочно действовать. Надо бояться того, чтобы вся эта работа не шла помимо сознания детей, помимо их интересов и жизни. Приходится часто детям и писать, и считать, и читать, а для чего это они не знают.

Я уже говорил, а теперь снова повторяю, что все цели, которые мы ставили в работе с детьми, должны быть осознаны самими детьми, должны вытекать из потребностей детской жизни и организации ее. Приобретение навыков должно подчиняться тем же условиям.

Когда кто-либо обращается к педагогу с просьбой научить его читать, потому что он не понимает картин в кинематографе и приходится ему всегда ходить поэтому с грамотным человеком, тут мы имеем осознанное желание научиться читать.

Когда ребенок просит показать ему буквы, а то он не понимает надписи под картинками, мы тоже имеем дело с осознанным желанием. Таких примеров много и в детской жизни, и в жизни взрослых людей. О таком примере рассказывает Лангерман. „Все теснились около стола, за которым мы, воспитатели, принимали к сведению желания детей. „Прошу семян цветов, салата и проч.“.—„Говорите всегда названия, они написаны на рисунках и на стаканах“.

Маленькие печально заявляли: „Мы не умеем еще читать“.—„Как жаль! А как хорошо было бы, если бы вы умели! Может быть вы хотите учиться читать?“—„Да! Да!“.

— „Стойте, детишки! Не забудьте места, где вы уже что-нибудь посеяли, чтобы потом не посеять опять на том же месте“.

Эта потребность повела к вырезыванию палочек и дощечек, на которых сделали надписи, что на ряду с необходимостью читать выдвинуло необходимость уметь и писать и желание учиться письму. *)

Когда дети сами принимают участие в обсуждении и оценке своих и чужих работ, когда на выставках они видят хорошие работы, у них появляется нередко сильное желание уметь делать также хорошо.

Вот деловое детское собрание; заслушиваются сообщения, рассматриваются работы, обсуждаются. И вывод часто печальный: многого еще не знаем, многое не умеем делать. Одни пишут безграмотно, другие — неряшливо, неразборчиво, третьи — без всякой системы и плана; в других работах — неправильная классификация, неумение приводить в порядок собранный материал, неумение сообщать о своих наблюдениях, неумение сделать правильный расчет и т. п. Что же делать? Как быть?.

— Надо научиться делать хорошо.

Как же это сделать, когда, где? Намечаются меры, даются указания; организуются группы для приобретения тех или других навыков, сговариваются относительно времени, места, книг. Начинается работа в небольших группах, поставивших себе определенные цели и на определенный срок. В этих группах дети помогают друг другу и стараются, чтобы все дети в назначенный срок выполнили ударную работу, так как улучшение их общей жизни не пойдет быстрыми шагами, если придется задерживаться долго на таких вещах, где бывает часто достаточно нескольких упражнений для отдельных лиц группы **).

*) Крупская. Школьное самоуправление и школьная община, 30 стр.

**) В 1 оп. Лесной школе одно время существовал кружок по борьбе с безграмотностью. Занятия начинались ежедневно ровно в назначенное время, продолжались только 20 минут, начинались и заканчивались хором произносимыми словами: «Я еще безграмотен, но я хочу быть грамотным и буду». Грамотность в данном случае они понимали, как умение писать грамотно, правильно. Занятия протекали живо, дети работали с большой охотой.

При такой постановке дела возможно, что упражнения не будут страшны, а наоборот, дадут радость детям, так как через них ребенок вскоре же будет одерживать победы при решении и выполнении серьезных задач; они помогут ему преодолевать материал и в этом преодолении получать радость...

Педагог-организатор.

Подвижные занятия пред'являют совсем другие требования к педагогу. Ясно, что педагог, объясняющий и спрашивающий, педагог кафедры, педагог, отделяющий себя от детей китайской стеной, к такого рода деятельности непригоден. Тут нужен новый тип педагога, педагога-организатора. Раз дети идут учиться и действовать в жизнь, в природу, то в роли учителя выступает вся жизнь, окружающая ребенка и дающая ему многообразие впечатлений. Источниками знаний будут не слова учителя и учебники, а природа, мастерские, фабрики, поля, огороды, библиотеки, музеи, выставки, рабочий, крестьянин, агроном, садовод, лесничий, инженер и т. д. А педагог организует их жизнь, их работу, помогает им своими указаниями и советами, направляет детей к первоисточникам знания, вместе с детьми выясняет возможности разобраться в окружающей жизни, сравнить ее с школьной жизнью. Педагог-организатор побудит и направит мысль детей в том направлении, чтобы они строили и обставляли свою жизнь не примитивно, не как дикари, не только по своему усмотрению, но обдуманно, на основе современных знаний, познакомившись с тем, как строят жизнь другие дети и другие люди и взяв от них лучшее. А так как для сравнения, для улучшения жизни нужны знания, приток новых впечатлений, и дети это поймут и пожелают пойти на приобретение знаний и навыков, педагог-организатор сумеет использовать открывшиеся возможности. А поэтому не на кафедре место педагога, а среди самой гущи детской жизни, в центре детских интересов: на собраниях, в комиссиях, в лаборатории, в экскурсиях.

Не на три, четыре „урока“ должен приходиться в школу педагог, а на определенное время жизни с детьми, где он выступает в качестве старшего организатора этой жизни.

И новые программы так и мыслят педагога, как организатора детской жизни и детских занятий. Вот ряд заданий, которые предъявляют новые программы педагогу:

- 1) организация участия класса в революционном празднике,
- 2) организация детских трудовых групп и усвоение детьми общих трудовых навыков в целях упорядочения своего труда,
- 3) организация более точного наблюдения и записи явлений природы,
- 4) организация классной работы,
- 5) организация участия детей в осенних работах на огороде, поле, в саду и т. п.

А в одном месте программы говорится о том, что не только сам педагог должен выступать в роли организатора, но должен и детей познакомить с основами организации труда. „Нужно пользоваться всяким удобным случаем для участия детей в общественно-полезном труде, для участия их в самой организации его взвешиванием своих сил и возможностей, целесообразным распределением их для получения максимальных результатов при минимальной затрате материалов, сил и времени. Необходимо приучить детей и к учету проделанной работы, всех превходящих благоприятных и неблагоприятных обстоятельств, всех организационных и пр. ошибок, с тем, чтобы на следующий раз подобную работу сделать лучше и даже совсем хорошо“^{*)}).

Отсюда ясно, что самому педагогу нужно быть хорошим организатором и не в теории, а на практике. Вот почему так необходимо современному педагогу следить за литературой по вопросам организации труда^{**)}.

*) Новые программы для ед. труд. школы вып. 1, стр. 65.

**) Керженцев. Памятка организатора.
Керженцев. Принципы организации.
Гестев. Как надо работать.
Кекчеев. Живая машина.

Раз педагог выступает в роли организатора детской жизни, он должен хорошо знать и интересы детей, их силы и их возможности. Иначе какой же он будет организатор, если он не будет знать с кем он имеет дело, кого нужно организовывать. Он должен наблюдать детей во всевозможных проявлениях, знать их характеры, способности и силы.

Но знать ребят педагог будет только тогда, когда он будет видеть детей не только в классе, а в самой жизни, на собраниях, во время игр, занятий, ссор, в общем там, где разворачиваются их силы и характеры, где выявляются инстинкты, отражается влияние среды, товарищей, школы и т. д. Особенно заметна роль педагога-организатора при проведении экскурсий, экспедиций; особенно тогда, когда работа по обследованию того или другого вопроса проводится коллективно, когда нужно бывает дать работу каждому участнику обследования. Дать же детям задания, это не только дать работу детям, это значит так поставить дело, что у детей будет повышенный интерес к восприятию ряда впечатлений, это значит — направить внимание детей по определенному руслу. А мы знаем, как у детей сильно непроизвольное внимание и как часто они переходят от одного впечатления к другому.

Педагог организатор не замкнется в своей личной работе: он, как и его дети, будет жить всесторонней общественной жизнью. Он прежде всего будет стремиться согласованно работать с своими товарищами по школе, принимать самое деятельное участие в работе педагогического коллектива; не будет бояться представлять на обсуждение свой производственный план, подвергать его критике не только педагогов, но и детей, с которыми он этот план проводит; в товарищеской среде он будет проверять свою работу, находить ошибки, недочеты, достижения. Этим путем он не только улучшит свое дело, но, как это ни странно, облегчит свою работу. Вместе с своими товарищами и детьми он будет теперь думать не о том, как провести тот или другой урок в классе, а как более организованным образом получить в жизни нужные знания. К разрешению подобных вопросов педагог, собственно, подходит впервые теперь только; методик

подобных еще нет, а журнальные статьи еще мало дали руководящих нитей. Ведь педагогу теперь приходится учить детей не только чтению, письму, обращению с книгой, но давать детям такие навыки, о которых в старой школе меньше всего говорили: как нужно следить за своим здоровьем, за помещением, как нужно более организованно работать в огороде, в саду, в поле, как нужно подойти к людям за получением тех или других вопросов и т. д.?

Ведь, если мы теперь идем за получением знаний на фабрику, завод, типографию, в деревню и т. д., то большей частью полагаемся на случай и на волю того человека, который нам покажет и объяснит все. И как часто в этих объяснениях бывает много лишнего, неинтересного, как часто объяснения бывают случайны и неудачны! Все это педагогу, ставшему на такой путь работы, нужно учесть, придется создавать новую методику...

Педагог вместе с своими детьми должен войти в общественную работу, быть носителем новых идей и знаний в малокультурной среде. Разумно использовать то живое богатство, которое вручено ему государством и населением, для улучшения жизни этого же населения, для внедрения в нем культурных навыков—одна из важных и ответственных задач педагога.

Сущность подвижных занятий.

Подведем же итоги всему тому, что говорилось о сущности подвижных занятий и их роли в организации школьной жизни.

1) Занятия бесцельные или с отдаленной целью, во имя далекого будущего, заменяются занятиями, в которых выступают ясно осознанные и принятые всеми детьми группы цели, вытекающие из самой же детской жизни и ее организации;

2) Занятия эти со строго продуманным и тщательно разработанным планом, в котором указаны: а) задания всей группе и отдельным участникам работы, б) место, время работы, в) источники получения ответов и материалов;

3) Занятия эти должны быть связаны с тщательной проработкой материала, с регистрацией впечатлений, наблюдений и материалов;

4) Занятия должны, по возможности, протекать на месте изучаемых явлений и за ответом дети должны обращаться к первоисточникам: будет ли то город, деревня, природа, учреждения, мастерские, лаборатории, уголки живой природы и т. д.;

5) Отсюда разрыв с классом и лабораторией, как единственными местами получения знаний, школьное помещение с классами и лабораториями имеет уже иное назначение;

6) занятия должны отвечать подвижной натуре ребенка, должны быть такими, чтобы дети могли работать, большей частью, не только в классе с учителем, а в уголке живой природы, в школьных лабораториях, библиотеке, кооперативе, в саду, огороде и т. д., работать в одиночку и отдельными группами, работать наблюдая, записывая, зарисовывая, собирая вещественные материалы, советуясь со взрослыми и товарищами, расспрашивая, обсуждая на собраниях, в комиссиях и т. д.

7) Занятия эти должны быть так организованы, чтобы дети не только выявляли свой прежний опыт, не только получали новый, но в разнородной деятельности выявляли и новый опыт и выявляли бы его не только в своей школьной среде, но и среди малокультурного населения, словом там, где это нужно и необходимо.

8) Организация специальных занятий для приобретения необходимых навыков должна иметь место после того, как сама детская жизнь и работа не подскажут их необходимости и не выявят их жизненности; причем должны быть учтены индивидуальные потребности детей и широко использована

детская взаимопомощь; но более всего приобретение навыков должно быть связано с проработкой материала;

9) педагог выступает в школе в роли организатора совместно с детьми детской жизни и детских занятий;

10) все эти занятия будут оправданы только тогда, когда они отвечают детским запросам, считаются с физическим и духовным ростом детей, когда детям будет дана возможность проявить силы, способности, выявить свой исследовательский инстинкт.

Подвижная школа.

Выдвигая принцип подвижных занятий и вводя его в практику школы, мы тем самым видоизменяем самый облик школы и ее строй: из неподвижной школа становится живым, деятельным организмом. Сама школа становится подвижной и жизненной.

Но при проведении в жизнь принципов этой школы мы встретимся, несомненно, с целым рядом затруднений. И одним из главных затруднений будет проведение в жизнь положения: изучай явления жизни на месте, в их естественной среде.

В самом деле, как сельским детям ознакомиться с богатой культурой больших городов, как школьникам, живущим в Москве или в других местах, познакомиться с такими явлениями, как северное сияние, жизнь у моря, в горах и т. п.? Как получить реальные представления моря, гор, горных речек, вечных снегов и т. д.?

Отказаться от этой задачи?

Тогда мы лишим детей целого ряда реальных представлений, отчего духовная мощь человека — только беднее. Одна из основных задач педагога-организатора — помочь детям запастись как можно большим количеством живых реальных представлений. Педагогу-организатору нужно всеми способами содействовать накоплению у детей наблюдений и представлений, по возможности, не только в близлежащем районе, но захватывая для наблюдений все новые и новые районы. От этого зависит богатство наших наблюдений и представлений. Ведь „перед нами целый ряд факторов, обуславливающих различия в запасе человеческих представлений вообще. Место — как село или город, жизнь равнины или гор, море или суша и т. д., — создает совершенно иную обстановку и иную жизнь представлений, и как ни сильно ломает культура отделявшие нас пространственные преграды, сплетая

все больше человечество в одно целое, особенностей и различий остается очень много, и они так и отражаются в психике детей. Большое значение имеет и климат, социальная среда, профессия и уровень развития родителей“ *).

А поэтому нужно все усилия приложить к тому, чтобы пространственные преграды не мешали накоплению богатых реальных представлений, чтобы основные понятия приобретены были на основе наблюдения явлений в их естественной среде.

„Естественные краски, пишет Лай, движения и голоса живых существ нельзя воспринимать в классе, но лишь среди свободной природы; различные стороны образа жизни растений и животных и причинные взаимоотношения между особенностями природных объектов и условиями их существования можно изучить исключительно или лучше всего в их жизненной среде, т. е. на месте их нахождения; наибольшая часть эстетических свойств и отношений могут быть восприняты в чистом виде и сильно подействовать на восприятие и чувства только в том случае, когда объекты наблюдаются в их естественной обстановке, как члены их жизненной среды“ **).

Никакие описания, никакие картины, даже кинематографические, не дадут истинного впечатления о море, о горах, о южном солнце, о северном сиянии, о журчании горных речек и т. п., как только личные наши наблюдения.

Явление нужно почувствовать, воспринять всеми органами наших чувств. Вот когда дети увидят настоящее море, увидят его синеву, почувствуют свежесть морского воздуха, особый его запах, ощутят соленое на губах, услышат всплески морской волны или шум разъяренных волн, выкупаются в море, — вот тогда у них будет живое представление, реальное.

Итак — ближе к изучаемым явлениям, как бы они далеки не были!

*) Рубинштейн. Очерки педаг. психологии 105—106.

***) Лай. Школа действия.

Успехи науки, техники идут нам навстречу... Но как же это сделать? Как преодолеть с школьниками пространственные преграды? Пути самые разнообразные. Укажем на некоторые из них.

Если мы совершаем длительную экскурсию, экскурсию-экспедицию, мы уже побеждаем расстояние и приближаемся к явлениям и предметам.

Если мы, представители одного детдома или школы, договариваемся с другим детдомом или школой и на определенное время меняемся местопребыванием, мы уже на пути к разрешению задачи.

Идя последним путем, детдом сельский может поменяться местом с детдомом города, детдом Москвы с детдомом Крыма или Украины и т. д.

Но, конечно, эта мена должна происходить при определенном условии проведения работы в духе подвижных занятий. Обменяться местами с тем, чтобы сидеть в четырех стенах, конечно, нет смысла.

Но и метод длительных экскурсий, экспедиций и обмен местопребываниями между детскими учреждениями все-таки не вполне разрешают поставленной цели. Масса новых впечатлений, которые захватывают детскую душу, желание все видеть на новом месте не дают возможности спокойно проводить работу в известной последовательности, с детальной и тщательной проработкой. Опыт показал, что месячная поездка детей в Крым, напр., не оставляет места для проработки материала. Детям так хочется везде побывать, все увидеть, что оформление впечатлений, обработка их далека бывает от детской души. Поэтому желателен такой путь организации ознакомления детей с новыми далекими местами, чтобы это ознакомление захватывало как можно больший срок; особенно желателен годичный; тогда дети увидят изучаемый район во все четыре времени года и будут знакомиться с трудовой деятельностью живущих в этом районе людей в течение целого года, т. е. все фазы труда пройдут перед глазами детей.

Вот почему мысль о подвижной школе, подвижной не только по методу работы, но и по своей организации в более широком смысле, назревает все больше и больше.

Создать такую школу, дети которой могли бы по году жить в разных климатических и производственных районах — мысль, несомненно, заманчивая, но и трудная для осуществления. Мы можем в настоящий момент говорить о такого рода школе, как об одном из видов школьного строительства. Могут быть самые разнообразные формы организации подвижных школ. Вот, напр., план организации такой школы. Несколько детдомов или школ-коммун разных районов С.С.С.Р. сговариваются между собою и составляют „Союз подвижных школ“. Каждая из этих школ имеет свое собственное хозяйство, отражающее характер данного района. Весной начинается переезд детей этих школ из одного района в другой (из Крыма, допустим, на Украину, из Украины в центр, из центра на север и т. д.), смотря по тому, как это будет удобно и как найдут более целесообразным представители школьных коллективов и врачи на совместном обсуждении вопроса. Переехав весной в школу того или другого района, дети принимают хозяйство школы в свое ведение, знакомятся с ним и продолжают вести его так же заботливо, как это делали они в другом месте. Живут на одном месте год. Таким образом дети в течение года наблюдают трудовую деятельность людей данного района и кроме того имеют возможность воспользоваться плодами рук своих (фрукты, ягоды, овощи и т. п.). Основной технический персонал, по видимому, будет жить при школе бессменно, чтобы непрерывно шла нормальная работа в хозяйстве школы.

Таким образом дети побывают в разных районах Республики, ознакомятся с разными видами приспособления к климатическим условиям и с разными видами человеческого труда, с населением, с богатствами России, способами их использования и т. д. Дети получают богатый запас конкретных живых представлений.

Союз подвижных школ может быть составлен из школ-девятилеток, которые целиком переезжают с места на место,

но могут быть и видоизменения. Так, напр., союз подвижных школ может иметь несколько школ 1 ступени, затем школу для детей 1 группы 2 ст. где-нибудь в земледельческом районе, для детей 2 гр. 2 ст. где-нибудь в промышленном районе и для старших групп 2 ст. в каком-нибудь большом городе. При такой организации дети из всех четвертых групп 1 ступени поступают в одну школу для детей 1 гр. 2 ступени, а из этой—в школу для детей 2 гр. 2 ст. и т. д. У детей*) одни общие интересы; прошли они одну и ту же школу, проделали одну и ту же работу, приобрели одни и те же навыки, побывали в одних и тех же местах, многие из них знакомы друг другу, если не лично, то по переписке, по работам. И в эту школу (для детей 1 гр. 2 ст.) они собрались для продолжения общей работы. В течение нескольких лет они затем продолжают вместе жить и работать...

Вообще комбинации школ в союзе могут быть самые разнообразные и причудливые...

Жизнь подвижной школы будет слагаться из тех же элементов, о которых я говорил раньше. Также будет уделено внимание организации детской жизни с вопросами питания, жилья, одежды, школьного хозяйства, игр, самоуправления и т. п.; также придется детям познавать и изучать окружающий мир, среду, знакомиться с трудовой деятельностью людей—на основе подвижных занятий; также придется им войти в окружающую жизнь, как активным деятелям, придется оказывать помощь отдельным лицам, совхозам, колхозам, обслуживать население в культурно-просветительном и других отношениях.

Большим жизненным делом в подвижной школе будет связь—переписка между детьми, руководителями разных отделений союза, официальная и дружеская. Ведь большая семья одной школы (союза) будет разбросана по разным уголкам страны, и для большинства детей, и для многих взрослых эти уголки станут за год родными, близкими; покидая их, они оставят там много близкого, с чем сжились, сроднились, много

*) Поступивших в школу для детей 1 гр. 2 ступени.

дорогого и, находясь в другом месте, они естественно не будут безучастны и равнодушны к судьбе оставленных ими предметов, животных и людей. Помимо этого, несомненно, возникнет естественный обмен всевозможными сведениями, таблицами наблюдений, копиями журналов и детских газет. Значительным по своим последствиям и интересным во всех отношениях будет и другой путь связи между отдельными школами Союза—это конференции как детей, так и руководителей. Это будет путь непосредственной связи, непосредственного учета работы, расширения опыта отдельных школ. На конференциях будет создаваться и облик школы, ее порядки, налаженность и единство.

Трудно, конечно, теперь, не имея еще длительного и систематического опыта, учесть все положительные и отрицательные стороны этой школы. Пока мы только гадательно можем сказать немного и о тех и других.

Создавая подвижную школу, мы не пойдем наперекор детским интересам.

— „А что же дальше?—ведь это обычный вопрос детей. Заглянуть за пределы окружающего—обычное желание не только взрослых, но и детей. В детских разговорах мы то и дело встречаемся с обсуждением вопроса, кто где бывал, кто больше видел. Читать про путешествия, самим путешествовать, если не в действительности, то хотя бы в играх («Парадокс» Короленко), детям очень нравится. Ведь не даром школы знают много примеров бегства детей то в Америку, то в пустыни. Здесь не только влияние Майн-Рида, семя падает на плодородную почву.. В новых местах дети, „эти неутомимые деятели, исследователи“, найдут обильную пищу для своих занятий, деятельности, игр. Самые ленивые, ничем неинтересующиеся взрослые, попадая в новое место, в новую среду, невольно интересуются ею, расспрашивают, разузнают, рассматривают, заполняют свои письма результатами своих наблюдений. И делается это просто в интересах личной жизни, в интересах приспособления к новой среде. И ребенок, изучая открывшийся перед ним новый мир, будет исходить из того же бессознательного мотива: узнать мир, чтобы оградить себя от

всяких неожиданностей и неприятностей, чтобы иметь возможность смелее в нем действовать. Ребенок научится наблюдать, ориентироваться в мире, воспитает в себе смелость и отвагу, чего не хватает так детям, получившим воспитание в семье или в четырех стенах школы. Знания приобретенные в разнородном опыте дадут ему мужество, где другие будут малодушными и трусливыми. Ведь, мы взрослые, не понимая тех или других явлений жизни; не зная их, часто в непривычных условиях, подобны бываем той девочке, которая, увидев в первый раз на дворе снег, не хотела ступить на него и плакала.. Стоило больших усилий приучить ее к снегу. На другой день эта девочка лопаточкой отгребала уже этот снег....

Но пребывание детей в новом месте интересно для них и в том отношении, что там старое, уже виденное, привычное и знакомое предстает перед ними в других условиях, в другом освещении.

На новых местах привычные, знакомые явления вновь как бы оживают перед нами, точно с них кто-то смахнул слой пыли. Я лично не могу забыть тех моментов, как московские дети в Крыму любовались восходом солнца. Не раз для этого они вскакивали с своих постелей, взбирались на подоконники и оживленными глазами наблюдали, как солнце выходило из-за моря. „Если мы хотим сохранить силу и свежесть внимания для известного материала или явлений, пишет Рубинштейн, то мы должны ревниво оберегать их от этой серенькой пелены, которой заволакивает их привычка; ведь мучительная и неприятная сторона обыденщины и заключается в том, что там все течет привычным темпом, все старо, привычно, серо, и вниманию не на чем остановиться с интересом и известной устойчивостью; та же серость, привычная колея обыденщины губительно отзывается и на всей жизни школы, если педагог не сумеет уберечься от ее нивелирующего влияния в той сфере, где она действует отрицательно“ *).

*) Рубинштейн. Очерки педаг. психол. стр. 198.

Конечно, Рубинштейн имел в виду здесь другие пути, чем те, что намечаются в данном случае, но суть дела, конечно, верна. Привычное и знакомое мы, обыкновенно, не замечаем. Правда, талантливый педагог может оживить в сознании ребят самое привычное, но в новых местах сама природа приходит нам на помощь.

Давая детям возможность побывать в разных местах, пожить там, набраться впечатлений жизненных, мы тем самым на основе богатых впечатлений даем детям возможность легче понять и усвоить результаты опыта других людей, глубже понять произведения искусства. „Дети, особенно в наше время, пишет Череннин, не в состоянии бывают правильно воспринять картины быта и жизни в художественных произведениях. Иллюстрации почти всегда являются недостаточными. Экскурсия в этнографический музей могла бы дать наглядные представления о жизни и быте Украины, инородцев Сибири и т. д. и тем углубить проникновение, напр., в произведения Гоголя, Короленко. При прохождении курса народной словесности были бы, напр., ценны экскурсии в этнографический музей для ознакомления с пережитками язычества, с проявлениями двоеверия. В деле изучения народной драмы полезна экскурсия для ознакомления с белорусским вертепом. Особенно трудные для углубленного понимания литературные направления, как, напр., романтизм, в некоторых отношениях гораздо легче могут быть поняты на произведениях живописи“ *).

В подвижной же школе дети будут черпать необходимые наглядные впечатления в самой реальной жизни, а не только в этнограф. музеях и музеях искусства. В подвижной школе жизненное ознакомление с бытом Украины будет связано с чтением произведений Гоголя, Короленко, Шевченко и современных украинских писателей, ознакомление с бытом и природой Крыма — с произведениями Шмелева, Сергеева-Ценского, Вересаева, Малышкина, Коцюбинского и др. Мало того в подвижной школе дети соприкоснутся со многими местами и предметами, свидетелями жизни великих людей и переживут то, что пережили здесь другие.

*) Вопросы экскурсионного дела. 29 стр.

Кроме всего этого дети в подвижной школе получают широкое социальное воспитание. И это выражается не только в том, что они живут в коллективе, вовлечены в самоуправление, входят как активные работники в окружающий мир, но и в том, что они с малых лет приучаются работать на общественном достоянии и дорожить им. Ведь они каждый год принимают школу со всем хозяйством, дают обещание и считают своим долгом надлежащим образом вести это хозяйство, развивать его по мере сил и возможности. Те работы, которые будут начаты предыдущим составом детей, они должны будут продолжать... Они будут знать, что через год придут другие дети, им они должны будут сдать это хозяйство в полной исправности. Разовьется благородное соревнование между отдельными школами в более образцовом ведении дела. Дети приучатся к бережному обращению с народным добром.

Хочется отметить еще одну открывающуюся возможность разрешения большого вопроса.

— „Дайте хорошую среду ребенку! Что мы можем сделать с детьми, если среда растлевает душу ребенка и к нулю сводит всю воспитательную работу школы?“

Такой вопль слышится со всех сторон. И в этом вопле много правдивого. Влияние среды на детей не подлежит сомнению. Подвижная школа, организуя детскую среду, сама может основаться в таком месте, где идет большая культурная работа, где человек выступает в роли творца, строителя жизни, где нет спячки, но где искания, устремления к новой жизни. Такая жизнь, такая среда благотворно отразится на детских переживаниях, на детском мировоззрении и характере.

В этом отношении интересен и поучителен рассказ Шмелева „В новую жизнь“. Мальчик Сеня, бывший в детстве уроки жизни у деда в деревне, попадает в Москву; и здесь у новых людей, в новой среде вырастает человек, которого „живое дело захватывает“, который с радостным сердцем понес все приобретенное им в Москве в деревню, народу. Вдумайтесь в те мечты мальчика, которые породила

новая среда. „Какие мечты!.. Лето в имени укрепило их, а зародились они еще в лаборатории, в аудитории на лекции. Он будет учиться, будет все знать. И эти знания он связывал с землей. У него будет своя земля; он будет работать с утра до ночи, будет всем показывать, как надо работать. Отца и мать он возьмет к себе. У него будет все: и лошадь, и корова, и цветник, и даже метеорологическая станция, и непременно болото, которое он осушит. В его комнате будет шкаф с книгами и чучелом совы, как у профессора“. В новой среде от малообразованных людей—рабочих и от профессора Сеня научился любить науку и верить в нее. Уж в новой жизни „как живой стоял перед ним Кирилл Семенович (рабочий), детская душа. Так ясно стоял перед ним, что Сеня, как будто, слышал его одобряющий душевный голос: „Наука. . она, братик, такая штука, я тебе скажу, что даже и понять нельзя. Она.. ну, прямо... солнце!.. Всю жизнь перевернет и ничто перед ней не устоит“. Жил бы Сеня в деревне и вышел бы из него тот же дед Савелий по всяким признакам угадывавший будущий урожай и, конечно, ошибавшийся; но мальчик попал в новую среду и не только получил в этой среде знания, но эта среда—студенты, Кирилл Семенович, профессор внушили ему веру в науку и позвали его на служение народу.

Русская жизнь в провинции, в захолустных углах еще бедна впечатлениями, в ней еще мало хорошо воспитывающих уроков. Провинция попрежнему „засасывает“ людей, мертвящим образом влияет не только на взрослых, но через взрослых ее пагубное влияние идет и на детей. Вспомним произведения Чехова, „Историю моего современника“ Короленко и т. п. И если мы хотим создать людей жизнерадостных, активных, людей интересующихся, любознательных, мы должны приблизить детей к тем местам, где на них будет отражаться бодрое, энергичное настроение среды, где перед их глазами будет стоять человек, прокладывающий пути вперед, создающий новые формы жизни, а не человек, робко озирающийся назад или апатичный, не умеющий и не желающий работать..

Это не значит, конечно, что здесь идет речь о больших культурных центрах, городах. Нет, иногда опытные совхозы, питомники, опытные станции, заводы могут быть в этом отношении интереснее и полезнее, чем большие города. Дать возможность детям провинции увидеть других людей, другую жизнь, не давать уснуть их силам и способностям, их духу—задача большая и неотложная. Подвижная школа, в этом отношении намечает кое-какие пути!

При чем это оздоровление коснется не только самих детей, но и их руководителей. Последние, получая приток свежих впечатлений, захваченные бодрой и жизнерадостной атмосферой, понемногу освободятся от давящего, гнетущего влияния провинции и обыденщины. Живая работа спасет их от футляра, от мелочности и будет содействовать выработке из них людей, всесторонне практически развитых, во многих местах побывавших и многое изучивших.

Конечно возникает не мало вопросов и сомнений другого порядка, которые заставляют задуматься как в возможности, так и в целесообразности организации таких школ.

Прежде всего—потребуется большая организационная работа, спайка целого ряда лиц и учреждений, умеющих работать на новых началах. Осуществимо ли это?

В широком масштабе, конечно, пока неосуществимо. Но постепенно такого рода школы могут завоевать признание в массе рядовых работников и оживить наши школы.

При обдумывании проекта подвижной школы неотступно держится мысль, не отразится ли плохо пребывание ребенка в такой школе на его здоровье, не будут ли эти ежегодные переезды, смена климатических условий обременительны для детского организма. Вопрос серьезный. Но без опыта, без данных на него ответить трудно. Все будет зависеть от самой организации поездок, от организации детской жизни, от порядка чередования местопребываний. Раз руководители поставят своей основной задачей считаться с детскими интересами, тем более они должны будут считаться с детским здоровьем. Здесь врачу предстоит большая работа. Врачу вообще должно быть отведено в подвижных школах одно из

видных мест. Без медицинского учета мы не сможем никогда сказать утвердительно о целесообразности такого рода школ для детского организма. Вопросы о приспосабливаемости детей к новым условиям жизни, к разным климатическим влияниям, о роли движений и экскурсий и т. п. встанут остро с самого начала работы в школе. Можно, конечно, думать, что если подвижные школы возьмут за основу, а они должны это сделать, систему лесных школ (обтирания, сон при открытых форточках даже зимой, соответствующая одежда и т. д.), если широко будут проводить занятия на открытом воздухе, будут заботиться об укреплении организма детей, опасности не будет, наоборот, может быть эта жизнь в различных климатических условиях скорее закалит ребенка и его организм. Ребенок с малых лет приучит свой организм быть свободным от резкого влияния климата на состояние здоровья, что теперь, когда жизнь то и дело по разным причинам бросает человека не только из одного района в другой, но из одной части света в другую, очень важно..

Не думаю также, чтобы эта школа сделала из детей в будущем вечных скитальцев... Ведь дети будут все время иметь дело с интенсивной работой, они не будут скитаться с места на место без всякой цели, они только будут менять места для наблюдений, исследований, для работы. Все дело в том, что их симпатии, их любовь будут направлены не к маленькому уголку земли, где помещается одна какая-либо школа, а симпатии ко всему союзу школ, раскинувшему свои отделения во всех уголках страны. Кругозор шире, но елипство симпатий сохранено. Ребенок не будет скитаться, а будет, говоря иносказательно, переходить из одной комнаты в другую большого любимого дома.

Думаю, что напрасны сомнения тех, кто считает бесплодной и бесцельной тратой времени всякие переезды, преодоления пространства, чего так много будет в подвижной школе. Если мы будем ездить скучающими пассажирами, конечно, время будет потерянное. Если же мы сумеем организовать самую поездку, как новую возможность для наблюдений, изучения края и дорогу используем для собирания всевоз-

можных материалов, то окажется, что мы не только не потеряем времени, а вернемся с обильным материалом, с запасом новых впечатлений. Так, напр., при переезде „Подвижной школы-колонии“ из Москвы в Крым дети по дороге наглядно познакомились с вопросом влияния климата и природных данных на постройки жилищ (деревянные строения в центр. полосе, беленькие чистенькие домики в полосе меловых гор, черепичные крыши на юге, каменные дома и изгороди из камня и держи-дерева в Крыму и т. д.); также встали перед детьми ярко вопросы о климатических особенностях той или другой полосы: лесные и черноземные пространства, степные, горные, а отсюда и трудовая деятельность человека, промыслы (кустарные изделия в Туле, в Крыму плетение корзин для фруктов, соляные промыслы у Сиваша, виноградарство, табаководство и садоводство в Крыму). Мало того, своим образом жизни, своей одеждой распространяли идеи о пользе открытого воздуха (обедали, пили кофе, чай на станциях под открытым небом), пользу легкой одежды (ходили в одних трусиках).

Гораздо важнее другой вопрос: не сопряжена ли подвижная школа, более чем обычная, с целым рядом опасностей для жизни ребенка? Эти переезды, экскурсии по неизвестным местам, скитания по горам, ущельям и т. д. не подвергают ли детей несчастьям, всяким неожиданностям?

Да, это есть, и на это закрывать глаза нельзя. Но, если бояться опасностей, тогда вообще не нужно посылать детей и в обычную школу. Сколько и там опасностей для жизни ребенка (инфекции, драки, по дорогам автомобили, трамваи)!

Не бояться опасностей нужно, а при организации занятий, поездок учитывать все это, принимать меры, предупреждать детей, следить за ними, вовлекать в эту работу более сознательных из детей, ознакомить их с подачей первой помощи и т. д.

Жизнь скажет свое слово. К подвижным ли занятиям она приведет, к подвижной ли школе, это мы увидим в будущем.

Но быстрые поезда, птицы-аэропланы, гигантские пароходы, трамваи, автомобили, радио, телефоны—все это треском моторов, гудками вещает нам о том недалеком будущем, когда весь громадный мир будет доступен для познания и деятельности не только взрослых, но и детей. Тот, кто не хочет застыть в неподвижных формах, тот кто хочет сохранить душу живую, пусть вместе с детьми пойдет к первоисточникам знания, как бы они далеки не были, к вечно обновляющейся бодрящей учительнице—жизни.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
I. Подвижность детей и школа	5
II. Подвижные занятия:	
1) Способы познания детьми окружающего мира вне школы	17
2) Выявление опыта детей	22
3) Приобретение нового опыта	28
4) НОТ в школе	40
5) Выявление в жизни нового опыта	48
6) Навыки	57
7) Педагог-организатор	61
8) Сущность подвижных занятий	64
III. Подвижная школа	67

Издательство „Красная Книга“.

Учебники и учебные пособия.

1. Вахтеров. Первый шаг. Букварь. Ц. 20 к.
2. Его же. Новый русский букварь. Ц. 35 к.
3. Анализи. Утренние зори. Ч. I. Ц. 90 к.
4. Горовой С. Первоначальный учебник новой русской грамматики. (Морфология и синтаксис). Ц. 15 к.
5. Его же. Практический курс правописания (нового). Ц. 10 к.
6. Чилин И. Американский метод обучения грамоте. Изд. 3-е, дополненное. Ц. 40 к.
7. Его же. Учись грамоте (разошлось).
8. Вишпер. Краткий учебник истории средних веков. Ц. 70 к.
9. Его же. Древняя Европа и Восток. Ц. 85 к.
10. Его же. Древняя история. Ц. 95 к.
11. Плотников И. П. Родной язык в комплексе. Ц. 50 к.
12. Хомиченко. Конспект лекций по минералогии. Ц. 30 к.
13. Селинов Л. Неорганическая химия. Ц. 2 р. 25 к.

(Научно-технической секцией Государственного Ученого Совета допущена в качестве руководства для техникумов).

Готовятся к печати.

1. Горовой С. И. Элементарный курс формальной русской грамматики.
2. Его же. Справочник по правописанию.
3. Молотов А. И. Весенние ботанические экскурсии.

В ближайшее время выйдут из печати.

1. „Красное Детство“. Книга для чтения на 1-м году обучения.

Заказы принимаются:

Орел, Кооперативная улица, Изд-во «Красная Книга».
Москва, улица Герцена, 22, отделение — склад Изд-ва «Красная Книга»,
а также в книжных магазинах Изд-ва:

Курск, Ленинская, 6.
Брянск, Московская улица, 76.
Тамбов, уг. Советск. и Дубовой ул.
Елец, Торговая, 127.
Ливны, Советская ул.

Болхов, Ленинская ул.
Карачев, книжн. магазин Изд-ва
„Красная Книга“.
Жиздра, книжн. магазин Изд-ва
„Красная Книга“.

Каталоги книг Изд-ва «Красная Книга» и имеющихся на складе
и в магазинах книг разных издательств СССР высылаются
БЕСПЛАТНО по первому требованию.

ЦЕНА 50 КОП.

2011136938